

Природа въ поэзіи А. С. Пушкина.

Рефератъ читанный въ Пушкинскомъ Семинаріи Спб. Высшихъ Женскихъ (Бестужевскихъ) курсовъ 21 янв. 28 янв. и 3 февр. 1913 г.

Природа окружаетъ человѣка темною тайной. Тайна мерцаетъ въ лазурной высотѣ неба. О ней покоятъ звѣзды. О ней воеетъ ночной вѣтеръ. О тайнѣ говоритъ невѣдомымъ языкомъ море, съ шумомъ набѣгая на прибрежныя камни. О ней напоминаетъ бѣглый солнечный лучъ. О тайнѣ шепчетъ рой ночныхъ видѣній, встающихъ при желтомъ свѣтѣ луны. Тайна поднимается блѣднымъ туманомъ надъ шумящимъ лѣсомъ.— Человѣкъ ищетъ и не можетъ подыскать золотого ключа къ таинственно закрытымъ дверямъ ея царства. Человѣкъ не въ силахъ вскрыть ея сущность, сущность всѣхъ вещей.

Одни изъ людей стоятъ близко къ природѣ. Они чувствуютъ ея обнаженную душу и души всѣхъ вещей. Для нихъ—она полна жизненной энергіи. Они улавливаютъ ухомъ біеніе ея большого сердца. Ея ритмъ, управляющій законами всѣхъ явленій. Они слышатъ тихое вѣяніе тайны.

Другіе равнодушно проходятъ мимо проявленій ея загадочнаго лика. Они построили себѣ свой собственный міръ вещей. Лишенный тайны. Лишенный призрачныхъ видѣній. Лишенный тѣней. Въ немъ, въ этомъ реальномъ мірѣ, все просто, обычно, понятно и ясно. Природа мертва для нихъ. Ея красота безжизненна. Раскрашенная яркими красками декорация театра.—Но иногда и для нихъ наступаютъ мгновенья. Таинственныя мгновенья, когда спадаютъ внизъ пестрыя одежды культуры. Развязываются темныя повязки закрывавшія ихъ глаза. И вмѣсто привычнаго міра вещей вырастаютъ передъ ними причудливыя коллонады вдаль убѣгающихъ призрачныхъ зданій. Раскрываются знакомыя мертвыя формы вещей, и обнажаются

души предметовъ. вмѣсто обычныхъ прямыхъ линій, идущихъ стройными рядами,—передъ ними въ хаотической пляскѣ, несутся фантастическими изломами—причудливыя кривыя. Тогда природа говоритъ и съ ними... Проблема о сущности міровой жизни, о сущности природы всегда являлась жгучимъ вопросомъ для человѣка, начиная съ древнихъ временъ. Отвѣты на нее воплощались и въ религиозныхъ мифахъ, и въ метафизическихъ теоріяхъ философа, и въ дисциплинахъ отдѣльныхъ наукъ, и въ поэтическихъ созданіяхъ поэта. Не была чужда эта проблема и Пушкину. И онъ пытался разрѣшить взаимное соотношеніе природы и человѣка. Разсматривая отдѣльныя явленія природы, Пушкинъ пришелъ къ определенному разрѣшенію поставленнаго вопроса. Пересмотримъ и мы въ этомъ же порядкѣ все содержаніе его поэзіи.

Воздушная стихія.

Воздушная стихія описывается Пушкинымъ въ лицѣ ея представителей: неба, солнца, луны, звѣздъ, облаковъ и вѣтра. Небо поэтъ одаряетъ многоцвѣтными эпитетами. Отмѣчаются его краски, начиная съ синяго цвѣта: „синій сводъ“ (Желаніе), „яркая синева“ (Русл. и Людм., V п., 252). „синее“ (Сказск. о Царѣ Салт.) „синева густая и темная“ (Камен. Гость). Также отмѣчена поэтомъ голубая и лазурная окраска небесъ: „лазурныя небеса“ (Русл. и Людм. п. II, 384.), „ясная лазурь“ (Отр. 1824 г.), „вѣчно-голубое“ (Для бер. отч. дальн.), „небеса своды сіяютъ въ блескѣ голубомъ“ (ib.).

Одиноко стоитъ упоминаніе о зеленомъ цвѣтѣ неба: „сводъ небесъ зелено-блѣдный“ (А. А. Олениной) Перечисленныя краски неба бываютъ въ хорошую погоду, при яркомъ дневномъ свѣтѣ. Краски мѣняются въ зависимости или отъ непогоды, или отъ слабаго освѣщенія: „темный небосклонъ“ (Отр. 1822 г.), „сводъ неба мракомъ обложился“ (Вадимъ), „мглою волнистою покрыты небеса“ (Осень), „сѣдыя небеса“ (Русл. и Людм. п. II, 289), „мутное небо“, (Зимнее утро), „а небо?... точный дымъ“ (Камен. Гость), „полусвѣтлый небо-

склонъ“ (Вадимъ), „блѣдный небосклонъ“ (Ев. Он., гл. II, XXVIII). Здѣсь мы видимъ постепенное измѣненіе красокъ: переходъ отъ темнаго тона къ блѣдному черезъ синіе, голубые, зеленые и сѣрые оттѣнки.—Отдѣльно стоитъ упоминаніе о вечернемъ небѣ, освѣщенномъ свѣтомъ умирающаго солнца: „золотыя небеса“ (Мѣдн. Всадн., вступленіе). А также небо въ бурю, освѣщенное бѣглыми молніями: „небо въ блескахъ безъ лазури“ (Буря). Для выраженія спокойнаго состоянія неба поэтъ употребляетъ эпитеты: „прозрачное“ (Полтава, п. II), „ясный небосклонъ“ (Городокъ), „ясныя какъ радость небеса“ (Желаніе), „тихий небосклонъ“ (Русл. и Людм., п. IV, 195), „успокоенныя небеса“ (Туча), „безоблачный небосклонъ“ (Дом. въ Колом.), „безмятежныя пустыни неба“ (Ев. Онѣг., гл. II, X).

Отдаленность неба отъ земли также выражена въ эпитетахъ: „дальняя вышина“ (Къ Батюшкову), „дальній небосклонъ“ (Аквилонъ), „дальній сводъ небесъ“ (Ев. Он., гл. III, XVI), „отдаленный сводъ“ (Цыганы), „дальнія небеса“ (Казакъ).

Небо южныхъ странъ поэтъ называетъ „знойнымъ небосклономъ“ (Кавк. Плѣн., II) и „полуденнымъ“ (Желаніе).

Поэтъ любитъ изображать небо въ видѣ полога или занавѣси, раскинутой надъ землею:

„Прозрачно легкая завѣса
Объемлетъ небо...“ (Странствіе Он.).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Какъ шитый пологъ, синій сводъ,
Пестрѣтъ частыми звѣздами.“ (Опричникъ).

Или, въ стихотвор. „Элегія“

„небесъ лазурная завѣса“...

Только одинъ разъ упоминаетъ поэтъ о „пустыхъ“ небесахъ (Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума). Часто онъ украшаетъ сводъ неба звѣздами:

„Снѣгъ скрипѣль и синій небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ сіяль морозно.“ (Дом.
въ Кол., гл. XLIII.).

Этотъ мотивъ повторяется въ другомъ мѣстѣ:

„синій сводъ

Пестрѣетъ частыми звѣздами“ (Опричникъ).

Или же, еще въ одномъ отрывкѣ 1824 года:

„Надо мной въ лазури ясной

„Свѣтитъ звѣздочка одна.

Въ сказкѣ „О царѣ Салтанѣ“ проводится параллель между небомъ, усѣяннымъ звѣздами, и моремъ, покрытымъ волнами:

„Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,

„Въ синемъ морѣ волны хлещутъ.“

Кромѣ звѣздъ поэтъ иногда рисуетъ на фонѣ небесъ луну:

„яркая луна

„Блеститъ на синевѣ густой и темной.“ (Кам. гость).

То же и въ поэмѣ „Цыганы“:

„Подъ отдаленнымъ сводомъ

„Гуляетъ вольная луна.“

Иногда же поэтъ изображаетъ небо, покрытое тучами:

„Небо тучами покрыто“ (Кам. Гость).

Въ стихотвореніи „Аквилонъ“:

„Недавно черныхъ тучъ грядой

Сводъ неба глухо облекался.“

Бѣгло упоминаетъ поэтъ о небесномъ пространствѣ въ связи съ солнцемъ:

„...солнышко, ты ходишь круглый годъ по небу...“

(Ск. о Мертв. Цар.)

Мы видимъ, что небо украшается Пушкинымъ и солнцемъ, и луною, и звѣздами, и облаками. А также встрѣчается въ одномъ мѣстѣ у поэта фонъ синяго неба, украшеннаго изломами снѣжныхъ горъ:

На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ “ (Странствіе Он.)

Погода въ жизни народа, занимающагося или земледѣліемъ, или скотоводствомъ,—играетъ огромную роль. Предвидѣнье погоды помогало человѣку въ суровой борьбѣ за существованіе. И съ древнихъ временъ существовали знаки, испытанные на опытѣ многихъ поколѣній, по которымъ угадывалась будущая погода. Поэтъ въ стихотвореніи „Примѣты“ упоминаетъ о небѣ, какъ предвѣстникѣ погоды. По краскамъ его въ вечерѣющіе сумерки, пастухъ и земледѣлецъ предсказываютъ погоду слѣдующаго дня:

„Пастухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную сѣнь,
Умѣютъ ужъ предрѣчь и вѣтръ и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.“

Въ „Подражаніяхъ Корану“ поэтъ рисуетъ смѣлую красочную картину всего мірозданія: небесные своды держатся въ воздушномъ пространствѣ Богомъ, подобно тому какъ древніе представляли себѣ землю, которую держитъ на своихъ плечахъ могучій Атлантъ:

„неба своды,
Творецъ, поддержаны тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой.“

Такими штрихами поэтъ представилъ намъ небеса.

Солнце у Пушкина не обладаетъ непосредственной жизненной энергіей. Солнце онъ называетъ немногими эпитетами. Отмѣчается его цвѣтъ: „красное“ (Ск. о Мертв. Цар.) — эпитетъ, любимый народной поэзіей, „золотой Фебъ“ (Желаніе), „яркое“ (Примѣты), „солнца ясный ликъ“ (Аквилонъ), „утра яркое свѣтило“ (Моему Аристарху), „свѣтъ нашъ—солнышко“ (Ск. о Мертв. Цар.) Или же поэтъ отмѣчаетъ теплоту его лучей: „знойное“ (Альфонсъ).

Въ непогоду солнце встрѣчается у поэта въ сочетаніи съ туманомъ: „въ туманѣ спрятанное“ (Мѣдн. Всадн., вступленіе). Одинокъ стоятъ эпитеты солнца „святое“ (Вакхич. пѣсня), а также „небесъ вѣчный житель“ (Кольна). Поэтъ употребляетъ по отношенію къ солнцу эпитеты: „свѣтило дня“ (Къ сестрѣ), что встрѣчается и у Батюшкова: „Уже свѣтило дня на западѣ горитъ“ (На разв. замка въ Швеціи). И на ряду съ этимъ Пушкинъ варьируетъ это же выраженіе, употребляя эпитетъ съ нѣсколькимъ инымъ оттѣнкомъ: „дневное свѣтило“ (Погасло дневн. свѣт.), что также является общимъ съ языкомъ Батюшкова:

„Свѣтило дневное ужъ къ западу текло“ (Умирающій Тассъ).

Поэтъ называетъ солнце именемъ бога Геліуса. Хотя нужно замѣтить, что только разъ, и то въ отрывкѣ антологическаго характера:

„Геліось, серебрянымъ лукомъ звенящій“ (Черн. набр. 1822 г.)

Чаще поэтъ называетъ солнце именемъ бога Аполлона-Феба, который въ древней Греціи никогда не былъ богомъ солнца. Его слили въ одинъ обликъ съ Геліосомъ и сдѣлали богомъ солнца стоики. Имъ это было нужно для аллегорическаго толкованія религіозныхъ мифовъ. Пушкинъ нѣсколько разъ употребляетъ этотъ аллегорическій образъ:

„...яркіе лучи златого Феба“... (Желаніе).

Или въ стих. „Черепь“:

„Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ... Аполлона...“

Интересно, что Батюшковъ часто вмѣсто слова „солнце“ употребляетъ „Фебъ“. Оно вошло въ его привычный языкъ. Срослось съ понятіемъ солнца:

„И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обиліемъ поля счастливыя дарить...“ (Посланіе).

Жуковскій, хотя не такъ часто, какъ Батюшковъ, пользуется этимъ же символическимъ выраженіемъ:

„Фебъ златозарной,
Ликъ свой явивши,
Все оживиль...“ (Майское утро).

Пушкинъ же называетъ солнце Аполлономъ всего два раза. У него мы встрѣчаемся лишь съ пережиткомъ этого выраженія. Эпитетъ солнца „яркое“ звучитъ постояннымъ прилѣвомъ. Лучи солнца въ противоположность блѣднымъ лучамъ луны называются „яркими“ (Желаніе).

Кромѣ того, солнечные лучи называетъ поэтъ „животворными“ (Черепъ), дающими жизнь всему живому. У Пушкина встрѣчается красивое сравненіе солнца съ лампадой, зажженной рукою Бога:

„Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ“ (Подраж.
Корану).

Солнце послѣ зимы ведетъ весну:

„Сводишь
Зиму съ теплою весной“... (Ск. о Мертв. Цар.)

Солнце въ народной поэзіи одарено всевидѣньемъ. Все передъ нимъ открыто. Оно съ высоты озираетъ распростертую внизу передъ нимъ землю. Пушкинъ отмѣчаетъ эту же черту въ сказкѣ „О Мертвой Царевнѣ“:

Всѣхъ насъ видишь подъ собой“...

Солнце у поэта находится въ непрерывномъ движеніи:

„Свѣтъ нашъ солнышко! Ты ходишь
Круглый годъ по небу...“ (Ск. о Мертв. Цар.)

Въ стих. „Къ Овидію“:

„Солнце ясное катилось надо мною...“

Въ поэмѣ „Цыганы“: „Солнце красное взойдетъ“... Солнце

или „ходить“, или „катится“, или „всходит“. Въ „Ев. Он.“ встрѣчаемъ сочетаніе солнца и сверкающаго въ его лучахъ инея:

„На солнцѣ иней въ день морозный.“ (гл. V, IV).

Такими безжизненными чертами рисуетъ поэтъ солнце. Въ иномъ родѣ луна.

Луна у Пушкина одарена жизненной энергіей и чародѣйственнымъ вліяніемъ на человѣка. Онъ ее называетъ многочисленными эпитетами, которыми подмѣчаетъ тончайшія линіи ея измѣнчиваго лика. Эпитеты, характеризующіе ея мѣняющійся цвѣтъ, начинаются съ цвѣта золота и кончаются блѣдными тонами серебра.

Онъ называетъ ее „золотая“ (Сраж. рыц.), „полумѣсяцъ золотой“ (Гробъ Анакреона), „мѣсяцъ златорогіи“ (Егип. ночи), „красный мѣсяцъ“ (Русалка), „серебряная“ (Русл. и Людм., п. IV, 164.) „серебристая“ (Кавк. Плѣн., I), „мѣсяцъ блѣдный“ (Отр. 1833 г.).

Луна мѣняетъ часто свой обликъ у поэта. Она, подобно Протею, являетъ свой образъ въ многоцвѣтныхъ формахъ. Она „двурогая“, (Русл. и Людм., п. VI, 140,) у ней „младой двурогиі ликъ“, (Ев. Он. гл. V), она „позолоченный рожокъ“ (Ск. о Мертв. Цар.), „мѣсяцъ круглолицый“ (Ск. о Мертв. Цар.). Луна является поэту или „какъ блѣдное пятно“ (Зимн. утро), или „какъ привидѣніе“ (Ненастн. день потухъ). Или луна, подобно солнцу, является у поэта въ образѣ „небесной лампы“ (Ев. Он., гл. II, XXII).

Интересно, что „ламподой“ представляетъ себѣ луну и Жуковскій. Въ одномъ изъ его приведеній мы читаемъ:

„Ему луна сквозь темный боръ
„Лампадой таинственной свѣтитъ“ (Подробн.
отчетъ о лунѣ).

Или луна у Пушкина принимаетъ видъ лебедя:

„И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ“ (Восп. въ
Цар. Селѣ).

У Жуковского есть и это сравненіе луны съ плывущимъ лебедемъ:

„И свѣтлымъ лебедемъ луна,
„По блѣдной синевѣ востока,
„Плыла тиха и одинока.“ (Подробн. отч. о лунѣ).

Подобно тому, какъ солнце поэтъ представляетъ въ образѣ бога Аполлона, такъ и луну онъ отождествляетъ съ атрибутомъ богини Артемиды и дѣлаетъ ее самой богиней:

Ужъ на темный небосклонъ
„Всходитъ блѣдная Діана“ (Отр. 1822 г.)

Или въ „Ев. Онѣгинъ“:

„водъ веселое стекло
„Не отражаетъ ликъ Діаны“. (I гл., XLVII).

И еще упоминаетъ раза два о лунѣ—Діанѣ. Интересно прослѣдить исторію этого аллегорическаго образа. Артемиды изображалась, какъ богиня луны и ночи, съ факеломъ въ рукѣ. Факель былъ ея красивымъ атрибутомъ. У Жуковского луна отождествляется съ факеломъ Артемиды:

„Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
„Вокругъ дерноваго стола,
„Стучимъ стаканами въ стаканы“ (Къ Делію).

Здѣсь еще нѣтъ луны, какъ самого лика богини. Но уже Батюшковъ смѣлой игрой фантазіи представилъ луну божественнымъ лицомъ Артемиды:

„Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны,
Вы, Музы, любите сплетаться въ хороводъ“ (Гезіодъ
и Омиръ).

Отъ Батюшкова это красивое наслѣдіе переходитъ къ Пушкину. Послѣ Пушкина Фетъ особенно рельефно подчеркнул образъ луны въ ликѣ Артемиды:

„Но уже свѣтитъ съ небесъ дѣвы измѣнчивый ликъ“.
(Изд. Маркса, т. I, стр. 184).

Красота луны отмѣчена поэтомъ въ пышныхъ эпитетахъ „Ночей царица“ (Фавнъ и паст.), „царица ночи“ (Русл.

и Людм., п. II, 385), „богиня тайнь и вздоховъ нѣжныхъ“ (Ев. Он., гл. II, X), „прекрасная“ (Фавн. и паст.).

Но такъ же, какъ измѣнчивъ обликъ луны, измѣнчивы ея состоянія. Луна—живое существо, подверженное всѣмъ капризамъ минутнаго настроенія. Она „таинственная“ (Блаженство), „молчаливая“ (Фавн. и паст.), „пустынная“ (Окно), „уединенная“ (Окно), „вдохновительная“ (Ев. Он., гл. III, XX), „вольная“ (Цыганы), „тихая“ (Восп. въ Цар. Селѣ), „печальная“ (Ев. Он. гл. V, IX).

Луна бываетъ различной въ зависимости отъ состоянія погоды. Въ ясную погоду: она „безоблачная“ (Русл. и Людм., п. III), „мѣсяцъ ясный“ (Ск. о Мертв. Цар.). Въ ненастье: луна „отуманенная“ (Ев. Он., гл. II, XXVIII), „туманная“ (Напол. на Эльбѣ), у ней „мутная игра“ (Бѣсы).

Иногда луна бываетъ „молодой“ (Цыганы), иногда „утренней“ (Ев. Он., гл. V, XXX), или, наоборотъ, „вечерней“ (Мое завѣщаніе). И одинъ разъ поэтъ даетъ лунѣ эпитетъ по времени года: „осенняя“ (Уныніе).

Свѣтъ луны блѣдный, какъ и ея лучи:

„По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны“. (Кавк. Плѣн., ч. II).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Плыветъ и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вдругъ“ (Восп. въ Царск.
Селѣ).

Въ поэмѣ „Братья-Разбойники“:

„Затихло все, теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ“.

На ряду съ блѣднымъ свѣтомъ, свѣтъ луны „серебристый“:

„Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса“. (Казакъ).

Или же свѣтъ луны „тусклый“:

„Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?“ (Мѣсяцъ).

Свѣтъ луны также „туманный“:

„И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ ліеть“ (Фавнъ и паст.).

Въ стих. „Элегія“:

„Счастливъ...
Кого луны туманный лучъ
Ведеть къ полночи сладострастной“...

Поэтъ отмѣчаетъ вмѣстѣ со слабою силою и трепетность луннаго свѣта:

„При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко“ (Русл. и Людм.,
ч. II, 460—461).

Въ другомъ мѣстѣ:

„И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливаль“ (Напол.
на Эльбѣ).

Пушкинъ называетъ свѣтъ луны туманнымъ, тусклымъ, трепетнымъ, блѣднымъ, серебристымъ, противопоставляя его яркому свѣту солнца.

Вообще, поэтъ часто подчеркиваетъ блѣдность луны. Она „блѣдная“ (Мѣдн. Всадн., II), „блѣдный мѣсяцъ“ (Отр. 1833 г.), „какъ блѣдное пятно“ (Зимн. утро), „блѣдная Діана“ (Дом. въ Кол., гл. XXXII), „серебряная“ (Русл. и п. Людм., III), „серебристая“ (Кавк. Плѣн., ч. I), встрѣчаются чаще, чѣмъ эпитетъ „золотая“, повторенный лишь три раза. „Яркой“ луна названа разъ, и то въ примѣненіи къ страстной и знойной испанской ночи, гдѣ всѣ краски необычно-ярки. (Кам. гость).

Но кромѣ того, поэтъ улавливаетъ и другіе оттѣнки луннаго свѣта, его дѣйствіе на природу и человѣка.

Свѣтъ луны томный, наводящій сладкую нѣгу:

„Луна сіяла,
И томнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы“. (Ев. Он., гл. III, XX).

Или въ другомъ мѣстѣ:

„Она съ безоблачныхъ небесъ
На доли, на холмы, на лѣсъ,
Сіянье томное наводитъ“. (Бахчис. фонт.).

Въ связи съ блѣдностью луны есть интересное упоминаніе объ ея холодномъ свѣтѣ:

„Мѣсяць блѣдный свѣтитъ хладно“. (Отр. 1833 г.).

Въ другомъ же мѣстѣ поэтъ упоминаетъ объ ея „тепломъ“ свѣтѣ: „гдѣ луна теплѣе блещетъ“ (Талисманъ).

Луна соединяетъ въ себѣ два элемента: холодное и горячее. И проявляетъ то одно, то другое. И сообразно съ этимъ мѣняется настроеніе человѣка. Луна тепло свѣтитъ — радость царитъ въ душѣ человѣка. Луна холодно свѣтитъ — смутная печаль волнуетъ его. Луна у Пушкина обладаетъ непосредственнымъ вліяніемъ на человѣка. Ей даны всѣ чарованія волшебницы:

„Подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины,
И вдохновеній сладострастныхъ“ (Бахч. фонт.).

Заклинаніе возможно лишь въ лунную ночь. Чары ночи и чары луны, соединяясь, даютъ сверхъ естественную силу человѣческимъ словамъ:

„О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые;
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы,—
Я тѣнь зову, я жду Леилы“ (Заклинаніе).

Поэтъ въ одномъ стихотвореніи рассказываетъ о той обстановкѣ, при которой ему вручила добрая волшебница спасительный амулетъ:

„Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынные скалы;
Гдѣ луна теплѣе блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы;
Гдѣ въ гаремахъ, наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ, —
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ“ (Талисманъ).

Этотъ амулетъ будетъ обладать волшебною силой. Онъ данъ дружеской рукой чародѣйки въ теплую южную ночь подъ лучами знойной луны. Всѣ демоническія силы особенно сильны въ лунныя ночи. Луна на нихъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. Зеленокудрая русалка появляется на берегу въ призрачныя ночи полнолунія:

„Мы ночью всплываемъ,
Насъ грѣетъ луна“ (Русалка).

Какъ солнце согрѣваетъ человѣка, такъ луна согрѣваетъ демоническія силы. Луна даетъ силу ихъ призрачнымъ тѣламъ. Зеленый блескъ — глазамъ. Алая краски — губамъ. Звонкія ноты — голосамъ. Быстроту и легкость ихъ движениямъ. Ёдетъ въ лѣсу богатырь. Жуткая тишина. Шелестъ листьевъ. Одинокій крикъ ночной птицы. И вдругъ онъ слышитъ странные дѣвичьи голоса. Громкій смѣхъ. Шорохъ и качанье вѣтвей. Онъ выѣзжаетъ на открытую поляну. При желтомъ свѣтѣ луны онъ видитъ рой блѣдныхъ русалокъ:

„То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младого

Съ улыбкой тихой на устахъ
Манять, не говоря ни слова“. (Русл. и Людм.,
п. IV, 212—218).

Такова сила луны.

Есть тайные знаки, по которымъ можно узнать—направлена ли чародѣйская сила луны противъ человѣка.

Или—она ему благопріятствуетъ. Однимъ изъ этихъ таинственныхъ указаній является положеніе луны на небосклонѣ. Если замѣчена человѣкомъ луна по правую сторону—будетъ счастье, удача, веселье. Если она замѣчена по лѣвую сторону,—будетъ несчастье, потеря, печаль:

„Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой.
И мѣсяць съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.
Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было.
И мѣсяць съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло“ (Примѣты).

Въ рождественскихъ гаданьяхъ Татьяны Лариной вторично встрѣчается эта же таинственная примѣта:

„Вдругъ увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ—съ лѣвой стороны,
Она дрожала и блѣднѣла“ (Евг. Он., гл. V,
V—VI).

Луна, какъ и солнце, все время находится въ движеніи: то она „крадется“ (Мечтатель), „идетъ“ съ облаками (Сраж. рыц.), „пробѣгаетъ“ (Напол. на Эльбѣ), „плыветъ“ (Восп. въ Цар. Селѣ), „восходитъ“ (Отр. 1822 г.).

Или мѣсяць „тихонько по небу катился“ (Русалка), „взойдетъ и станетъ средь небесъ“ (Братья-Разб.), „укатился и въ небѣ свѣтломъ утонулъ“ (Мѣсяць), „луна текла туманною стезею“ (Окно), „скатилась за лѣса“ (Фавнъ и паст.), „перебѣгала“ (Русл. и Людм., п. V, 442).

Особенно красиво поэтъ отмѣтилъ свободный бѣгъ луны въ поэмѣ „Цыганы:“

„Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ ужъ перешла въ другое,
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!“

Луна у Пушкина не всегда бываетъ одинокой въ небесной обители. Онъ создаетъ вокругъ нея различныя обстановки. Окружаетъ ея плѣнительный ликъ новыми и новыми рамками. Луна рисуется иногда поэтомъ въ сочетаніи съ облаками:

„Луна въ воздушную обитель
Спѣшитъ на темныхъ облакахъ“ (Кольна).

Въ другомъ произведеніи:

„И лучъ свой погасила
За облакомъ луна“. (Фавнъ и паст.).

Въ балладѣ „Женихъ“:

„Чуть луна свѣтила изъ-за тучи“.

Или уже цитированное въ другомъ мѣстѣ:

„И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ“ (Восп. въ
Царск. Селѣ).

Но этотъ вѣнокъ изъ облаковъ вокругъ луны смѣняется у поэта ея образомъ, смутно выступающимъ изъ-подъ накинутого покрывала тумана:

„Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна“. (Зимн. дорога).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ“. (Кавк. Плѣн., ч. I).

Или, въ стихотвореніи „Русалка“

„Туманъ надъ озеромъ дымился.

И красный мѣсяцъ въ облакахъ

Тихонько по небу катился“.

Здѣсь интересно замѣтить, что черезъ покрывало тумана ликъ луны принимаетъ красный цвѣтъ. Можно привести аналогичный примѣръ изъ Батюшкова:

„Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ уставишь
Въ недвижныя моря...“ (Вечеръ).

Поэтъ не ограничивается небесной обстановкой для луны. Онъ создаетъ причудливое сплетеніе луны съ блескомъ морской пѣны:

„И блещетъ пѣна при лунѣ...“ (Вадимъ).

У Лермонтова мы встрѣчаемся съ этимъ же сочетаніемъ. Русалка плыветъ по рѣкѣ.

„И старалась она доплеснуть до луны

Серебристую пѣну волны...“ (Русалка).

Въ минутномъ капризѣ настроенія, поэтъ рисуетъ общій фонъ, на которомъ сплетены въ одно луна, и вечернее небо:

„Справа—западъ темнокрасный,

Слѣва—блѣдная луна“. (Отр. 1824 г.).

Иногда, поэтъ приближаетъ луну къ человѣку, отрывая ее отъ обычной обстановки. Таково соединеніе луны съ поединкомъ:

„Три дня мы билися: луна

Надъ боемъ трижды подымалась“ (Русл. и Людм.

п. VI, 106—107).

Или же поэтъ повторяетъ нѣсколько разъ одинъ и тотъ же мотивъ—луна и сидящая у окна дѣвушка:

„Въ облакахъ луна сребрила

Дальні небеса;

Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица краса“ (Кавказъ).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Одна печальна подъ окномъ,
Озарена лучомъ Діаны,
Татьяна блѣдная не спитъ
И въ поле чистое глядитъ“. (Ев. Он., гл. VI, II).

Въ „Домикѣ въ Коломнѣ“:

„Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно“. (XXXII гл.).

Такъ представилъ поэтъ луну. Она носитъ у него черты и богини, и волшебницы, и гордой царицы, и капризной красавицы. Она не застывшій мертвый ликъ. Она живетъ. Принимаетъ причудливые образы. Мѣняетъ цвѣта своихъ яркихъ одеждъ. Переживаетъ тонкіе оттѣнки переходныхъ настроеній. То—она таинственна. То—ясна. То—она блѣдна, какъ переживающая болѣзнь. То—она блеститъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья. Ея свѣтокъ яркъ. Тогда она сіяетъ въ обаяніи своей золотой красоты, своихъ опьяняющихъ чаръ.

Звѣзды Пушкинъ изображаетъ чуждыми міровой жизни. Мертвымъ лучамъ ихъ не звенятъ въ отвѣтъ струны человеческой души. Всѣ упоминанія о звѣздахъ въ поэзіи Пушкина носятъ бѣглый и холодный характеръ.

Наряду съ солнцемъ и луною, поэтъ называетъ звѣзды „свѣтилами“:

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило...“ (Рѣдѣетъ
облаковъ летуч. гряда).

Пушкинъ однообразно изображаетъ звѣзды въ видѣ сверкающаго хора или хоровода въ синей вышинѣ неба:

„На блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ“ (Ев. Он. гл. II,
XXVIII).

У Лермонтова среди разнообразныхъ описаній звѣздъ встрѣчается подобное же изображеніе ихъ хороводомъ:

„Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ...“ (Мцыри).

Въ видѣ хора звѣзды появляются у Пушкина два раза:
„За хоромъ звѣздъ луна восходитъ“ (Бахчис.
фонтанъ).

И въ „Ев. Онѣгинъ“:

„Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно“. (гл. V, IX).

У Лермонтова въ поэмѣ „Демонъ“ мы встрѣчаемся съ
этимъ же изображеніемъ:

„Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ“.

Особенно же часто употребляетъ этотъ образъ Фетъ въ
своихъ стихотвореніяхъ. Пушкинъ дѣлаетъ звѣзды небесными
подругами луны:

„Ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ“. (Ев. Он., гл. VII, LII).

Луна отличается своей красотой въ кругу подругъ. Она
„ярче“ каждой изъ нихъ. Ея красотою любятъ звѣзды:

„И обычай твой любя,
Звѣзды смотрять на тебя“. (Ск. о Мертв.
Цар.)

Изъ звѣздъ Пушкинъ отмѣчаетъ Венеру. Она—первая за-
жигается въ наступающихъ сумеркахъ. И послѣдняя исчезаетъ
на небосклонѣ утромъ, въ блескѣ разгорающейся зари. Ве-
черней звѣздѣ поэтъ посвящаетъ трогательное обращеніе:

„Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ...“
(Рѣдѣтъ облаковъ летуч. гряда).

Поэтъ отмѣчаетъ ея блѣдный свѣтъ, родственнѣй свѣту
луны. Онъ „осеребрилъ“ равнины. „Серебрить“ болѣе сла-

бая степень блеска, чѣмъ „золотить“, что примѣняется для выраженія силы солнечнаго свѣта. Вечерняя звѣзда упоминается еще разъ поэтомъ, гдѣ онъ называетъ ее *Vesper*:

„Одинъ ночной гребецъ, гондолой управляя,

При свѣтѣ Веспера, по взморію плыветъ“ (Изъ Шенье)

Эта же звѣзда описывается поэтомъ и утромъ, при чемъ онъ называетъ ее эпитетомъ Афродиты—Венеры—Кипридой:

„Прекрасны вы, брега Тавриды.

.

При свѣтѣ утренней Киприды...“ (Отр. изъ стр. Ев. Он.).

Или же, утреннюю звѣзду поэтъ называетъ по мѣсту ея появленія „восточною“:

„Восточная звѣзда играла въ океанѣ“. (Напол. на Эльбѣ).

Говоря о лунѣ и звѣздахъ, Пушкинъ часто употребляетъ глаголь „плыть“, уподобляя небо—океану:

„...Звѣздъ ночныхъ, при блѣдномъ свѣтѣ
Плывущихъ въ дальней вышинѣ“. (Къ Батюшкову).

Или въ другомъ мѣстѣ:

„Свѣтлые цари смеркающей ночи
Плывутъ по небесамъ“. (Городокъ).

Падучая звѣзда отмѣчается поэтомъ въ связи съ ея таинственной примѣтой:

„Когда жъ падучая звѣзда
По небу синему летѣла
И разсыпалась, тогда
Въ смятенѣ Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть“. (Ев. Он., гл. V, VI).

Иногда поэтъ рисуетъ на небосводѣ звѣзды и облака:

„И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла“. (Наѣздники).

У Пушкина встрѣчается оригинальное сопоставленіе вечерней звѣзды и дѣвушки, подобно тому, какъ раньше мы видѣли варіацію этого же мотива — дѣвушка и луна:

„И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла...“ (Рѣдѣть
облаковъ летуч. гряда).

О звѣздахъ поэтъ больше не говоритъ ничего. Ихъ гармонія была нѣма для поэта. Душа звѣзды не раскрывается передъ душою человѣка. Душа человѣка не сливается въ одно стихійное цѣлое съ душою звѣзды.

У Лермонтова, пророкъ изгнанный людьми и лишенный ихъ общества, въ пустынѣ бесѣдуетъ со звѣздами:

„И звѣзды слушаютъ меня, лучами радостно играя...“
(Пророкъ).

У Пушкина звѣзды безжизненными блестками украшаютъ блѣдно-синій пологъ небесъ.

Облака не нашли себѣ живого отраженія въ поэзіи Пушкина. Они, какъ солнце и звѣзды, непричастны къ шумной, окружающей человѣка, жизни.

Облака въ непогоду поэтъ называетъ эпитетами: „черныя“ (Аквилонъ), мрачныя“ (Зимн. утро), у нихъ „темныя сѣни“ (Напол. на Эльбѣ), они „бурныя“ (Аквилонъ), „громовыя“ (Кавк. Плѣн., ч. I).

Послѣ бури облака мѣняютъ свой видъ. Они—или „усталыя“ (Мѣдн. Всад., ч. II ч.), или „печальныя“ (Примѣты). Въ тихіе дни облака „блѣдныя“ (Мѣдн. Всадн., ч. II), „серебристыя“ (Восп. въ Царск. Селѣ), „сѣрыя“ (Осень), „сѣренькія“ (Стр. Ев. Он.), по своей окраскѣ. Или, если они освѣщены зарей „багровыя“ (Осгаръ). По своему качеству они получили отъ поэта эпитетъ „зыбкія“ (Окно).

Поэтъ часто описываетъ облака идущими грядою или полосой:

„Рѣдѣть облаковъ летучая гряда...“ (Рѣдѣть облаковъ
летуч. гряда).

Въ стихотв. „Сраж. рыцарь“:

„Лѣнливой грядою идутъ облака...“

Въ стихотв. „Аквилонъ“:

„Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался“.

Въ стихотв. „Осень“:

„Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса...“

Или же, тучи изображаются въ видѣ пелены, окутавшей какой-либо предметъ:

„Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...“ (Кавк. Плѣн., ч. I).

И въ бурю, и въ тихую погоду у поэта облака не мѣняютъ своего образа. Они застыли въ одномъ и томъ же поэтическомъ выраженіи. Пушкинъ не подмѣчаетъ въ нихъ живыхъ перемѣнъ, какъ это дѣлаетъ Лермонтовъ.

Въ спокойную погоду и у Лермонтова облака идутъ цѣпью:

„Цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же изгнанники...“ (Тучи).

Совершенно иной видъ облаковъ у него въ бурю:

„Съ воемъ мимо,
Подобно стаѣ скачущихъ звѣрей
Толпою рѣзвыхъ, жадныхъ псовъ гонимой,
Неслися другъ за другомъ облака,
„Косматыя, какъ перья шишака“. (Аулъ Бастунджи).

Тучи у Пушкина или „идутъ“ (Сраж. рыц.), или „дымятся“ (Кавк. Плѣн. ч. I), или „виснутъ“ (Вадимъ), или „мчатся“ (Бѣсы), или „блуждаютъ“ (Анчаръ). Въ стихотв. „Туча“ поэтъ описываетъ печальный бѣгъ одинокой тучи послѣ бури:

„Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день“.

Это повтореніе „Одна ты“ придаетъ удивительную живость облику одиноко несущейся тучи.—И рядомъ съ этимъ образомъ, полнымъ безсилія, поэтъ ставитъ другой—въ ореолъ могущества:

„Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю почла дождемъ“ (Туча).

Иногда поэтъ соединяетъ съ тучами и другія вещи въ природѣ. У него—зефиръ играетъ облаками:

„И облакомъ зефиръ играетъ“ (Аквилонъ).

Или поэтъ, чтобы рѣзче выразить тѣсноту кавказскаго ущелья, сдавленнаго каменными стѣнами горъ, пользуется сочетаніемъ тучи и снѣга. Ущелье—каменный ящикъ. Наверху чуть видна полоса тучъ. Внизу—лежитъ полоса снѣга:

„Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ:
Тучи да снѣгъ...“ (Отр. 1829 г.).

Въ стихотв. „Анчаръ“ блуждающая дождевая туча соединяется на общемъ фонѣ знойной пустыни съ Анчаромъ:

„И, если туча ороситъ,
Блуждая, листь его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій“.

Въ другихъ освѣщеніяхъ тучи не встрѣчаются у поэта.

Вѣтеръ у Пушкина не разсматривается, какъ элементъ многосложной жизни міроваго космоса. Поэтъ не вскрываетъ его сущности. Онъ только описываетъ его, какъ явленіе, подмѣченное въ пестромъ потокѣ другихъ явленій.

У Пушкина вѣтеръ носитъ разнообразныя имена, зависящія отъ степени его силы: „вѣтерочекъ“, „вѣтерокъ“, „зефиръ“, „вѣтеръ“, „Борей“, „Эоль“, „вихоръ“, „аквилонъ“.

„Вѣтерочекъ“ и „вѣтерокъ“ часто встрѣчаются въ лицейскихъ стихотвореніяхъ поэта:

„Вѣтерочекъ
Ранней порой
Гонить листочекъ
Съ рѣзвой волной. (Измѣны).

Въ посланіи „Къ Юдину“:

Въ воздухѣ кружить и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка“.

Въ стихотв. „Фавнъ и пастушка“:

„И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣтерка“.

У Пушкина „зефиръ“ употребляется въ смыслѣ тихаго ласкающаго вѣтерка. Въ одномъ изъ своихъ произведеній, поэтъ упоминаетъ о „шопотѣ зефира“:

„Зефиры прошептали“... (Фавнъ и паст.).

Въ стихотв. „Блаженство“ о зефирѣ поэтъ говоритъ:

„И колышетъ павиликой
Тихо— вѣющій зефиръ“.

Въ другомъ мѣстѣ:

„Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ“ (Испанск. романсъ).

Въ стихотв. „Земля и море“ мы снова встрѣчаемся съ зефиромъ:

„По синевѣ море
Зефиръ скользить и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И чолны на волнахъ лелѣетъ“.

Батюшковъ постоянно пользуется словомъ „зефиръ“, въ смыслѣ легкаго вѣтерка. Онъ даетъ зефиру „тихія крылья“.

„Но я не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крылами...“ (Пробужденіе).

Аквилонъ у Пушкина употребляется въ двоякомъ значеніи: и въ смыслѣ тихаго вѣтерка, и въ смыслѣ бурнаго вѣтра. Въ значеніи тихаго вѣтерка, онъ встрѣчается въ подражаніи „Пѣснѣ Пѣсней Соломона“:

„Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣтъ аквилонъ
И закаплютъ ароматы“.

При характеристикѣ легкаго вѣтерка поэтъ всюду употребляетъ выраженія: „тихо вѣтъ“ (Земля и море), „чуть дышетъ“ (Восп. въ Царск. Селѣ), „прошепталъ“ (Фавнъ и паст.), „струить эфиръ“ (Испанск. романсъ), „скользить“ (Земля и море), „лелѣтъ челны“ (Земля и море), у него „дыханье тихое“ (Къ Юдину), „лобзанья“ (Фавнъ и паст.), „легкій шумъ“ (Русл. и Людм., п. V, 310). „легкій звукъ“ (Кавк. Плѣн., ч. I), и поэтъ называетъ его „тихо-вѣющимъ“ (Блаженство).

Такъ же часто встрѣчаются у Пушкина описанія „вѣтра“ — вторая степень по силѣ:

„Стоишь подъ ивою густою,
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвись,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ,
И ногу стройную рисуетъ
Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ“ (Къ
Юдину).

Иногда, у поэта вѣтеръ мчится въ аллегорическомъ образѣ древняго вѣтра — Эола (Æolus), при чемъ поэтъ даетъ ему эпитетъ „небесъ жилецъ“:

„Мчится лишь Эоль,
Небесъ жилецъ“. (Обваль).

Сѣверный холодный вѣтеръ появляется у Пушкина въ ледяныхъ одеждахъ бога Борея (Boreas):

„Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено;
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борея...“ (Осень).

Вѣтеръ рисуется поэтомъ болѣе энергичными чертами. Онъ „дуетъ“ (Къ Юдину), „рѣзвится“ (Къ Юдину), „мчится“ (Обваль).

Бурный вѣтеръ у Пушкина является подъ двумя названіями: вихорь и аквилонъ. Въ стихотв. „Аріонъ“ на корабль налетаетъ бурный вѣтеръ:

„Вдругъ лоно волнъ

Измязь съ налету вихорь шумный...“

Въ стихотв. „Анчаръ“:

„Лишь вихорь черный

На древо смерти набѣжить...“

Или въ другомъ мѣстѣ:

„И силенъ, воленъ былъ бы я,

Какъ вихорь, роющій поля,

Ломающій лѣса“

(Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“).

Второе значеніе Аквилона (Aquila) у Пушкина — бурный сѣверный вѣтеръ. Поэтъ ему посвящаетъ отдѣльное стихотвореніе:

„Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,

Тростникъ болотный долу клонишь?

Зачѣмъ на дальній небосклонъ

Ты облака столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой

Сводъ неба глухо облакался;

Недавно дубъ надъ высотой

Въ красѣ надменно величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,

Ты прошумѣлъ грозой и славой,

И бурны тучи разогналъ

И дубъ низвергнулъ величавый“. (Аквилонъ).

Вѣтеръ, достигшій своей интенсивности, поэтъ называетъ эпитетами: „грозный“ (Аквилонъ), „черный“ (Анчаръ), „шумный“ (Аріонъ), „ломающій лѣса“, „роющій поля“ (Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума). Онъ „гнѣвно гонитъ“ облака, „низвергаетъ“ дубъ, онъ „взыгралъ“, „прошумѣлъ грозой“

(Аквилонъ), „измялъ“ лоно морскихъ волнъ (Аріонъ). Онъ „бунтуетъ“ (Русл. и Людм., ч. II 288), онъ „бился“ (Буря).

Вѣтеръ представляетъ грозную стихію. Въ словѣ „О полку Игоревѣ“ его заклинаетъ Ярославна. Въ сказкѣ „О Мертвой Царевнѣ“ королевичъ Елисей, отыскивая невѣсту, обращается къ вѣтру съ просьбой—заклинаніемъ, наравнѣ съ солнцемъ и луной:

„Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты—могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного...“

Вѣтеръ — могучій царь воздушнаго пространства. Въ его власти—тучи. Зеленое море. А потому — и жизнь человѣка Вѣтеръ независимъ. Всѣ пути воздушнаго царства открыты передъ нимъ. Вотъ почему орелъ зоветъ узника умчаться въ страны, недоступныя человѣку. Во владѣнія вѣтра, гдѣ нѣтъ рабства и темницъ:

„Давай улетимъ!

.
.

Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ да я“ (Узникъ).

Шумъ, производимый вѣтромъ, переданъ въ цѣломъ рядѣ звуковъ. Это — или вой, или визгъ, или плачь, или заунывное пѣніе.

Вой вѣтра:

„Вѣтеръ дулъ, печально воя“. (Мѣдн. Всадн., ч. I).

И въ этой же поэмѣ снова повторяется тотъ же мотивъ:
„Мрачно было.

Дождь капалъ. Вѣтеръ вылъ уныло“. (Мѣдн. Всад., ч. II).
Въ другомъ мѣстѣ:

„Грустенъ вѣтра дальній вой...“ (Отр. 1833 г.).

Въ стихотв. „Зимній вечеръ“ поэтъ говоритъ о бурѣ:

„То, какъ звѣрь, она завоетъ...

Визгъ вѣтра:

„Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ“ (Бѣсы).

Плачь вѣтра сравнивается съ плачемъ беспомощнаго ребенка:

„То заплачетъ, какъ дитя...“ (Зимн. вечерь).

Шелестъ бурнаго вихря:

„То по кровлѣ обветшалою
Вдругъ соломой зашумить“. (Зимн. вечерь).

Стукъ вѣтра сравнивается въ двухъ мѣстахъ со стукомъ въ окно запоздалаго путника:

„И будто путникъ запоздалый,
Стучится буря къ намъ въ окно“. (Черн. наб. 1830 г.).

И въ другомъ стихотвореніи:

„То, какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучить“. (Зимн. вечерь).

Свистъ вѣтра встрѣчается много разъ:

„Слышится мгновенный вѣтра свистъ“. (Осеннее утро).

Въ поэмѣ „Русл. и Людм.“:

„Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихорь въ полѣ чистомъ“... (п. II, 287—288).

И тамъ же:

„Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ“ (п. IV, 202—203).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Бури слышенъ зимній свистъ“. (Я пережилъ свои желанья).

Заунывное пѣніе вѣтра представлено поэтомъ въ видѣ жалобной пѣсни демоновъ вьюги:

„Что такъ жалобно поють?
Домового ли хоронять?
Вѣдьму-ль замужъ выдають?“ (Бѣсы).

Въ „Подражаніяхъ Корану“ поэтъ даетъ управление вѣтрами въ руки Бога—Творца міра:

„Творцу молитесь; онъ могучій:
Онъ править вѣтромъ“...

Это представленіе близко къ византійскому христіанству. По апокалипсису вѣтрами управляютъ ангелы, приставленные Богомъ:

„Видѣлъ я четырехъ ангеловъ, стоящихъ на четырехъ углахъ земли; держащихъ четыре вѣтра земли, чтобы не дулъ вѣтеръ ни на землю, ни на море, ни на какое дерево“.

(VII, 1).

Вѣтеръ поэтъ охотно вплетаетъ въ причудливыя гирлянды со многими предметами. Широко распространенный мотивъ— вѣтеръ въ сочетаніи съ паруснымъ кораблемъ нашель граціозное выраженіе у Пушкина. Оно дышетъ наивною прелестью дѣтской рѣчи:

„Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ.
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ“ (Ск. о царѣ Салтанѣ).

Рисую будничную картину русской природы, поэтъ на общемъ фонѣ изображаетъ вѣтряную мельницу, работающую при вѣтрѣ:

„По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ“... (Вновь я посѣтилъ)...

Пушкинъ пользуется очень красивымъ мотивомъ — игра вѣтра съ легкими женскими одеждами:

„И вѣтеръ бился и летальъ
Съ ея летучимъ покрываломъ“ (Буря).

Этотъ мотивъ понравился поэту. Онъ повторяетъ его еще разъ въ поэмѣ „Кавказскій Плънникъ“. При грустномъ прощаніи черкешенки съ русскимъ плѣнникомъ:

„Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ“ (II ч.).

Вариацию этого популярнаго мотива мы встрѣчаемъ у Батюшкова, какъ и у многихъ другихъ. Онъ описываетъ бѣгъ вакханки, во время котораго развѣвались вѣтромъ ея волосы и небрежныя складки короткаго хитона:

„Эвры волосы взвѣвали,
Перевитые плющомъ;
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ“ (Вакханка).

Мотивъ игры вѣтра съ женскими одеждами часто сопровождается и сосѣднимъ мотивомъ—игры его съ волосами, какъ это мы видѣли у Батюшкова.

У Пушкина онъ встрѣчается въ поэмѣ „Русланъ и Людмила“. Русланъ спящую Людмилу несетъ на рукахъ изъ замка черномора. Вѣтеръ развѣваетъ ея волосы:

„Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ“. (п. V).

Есть у Пушкина и третій, родственнй этимъ двумъ, мотивъ игры вѣтра съ листьями деревьевъ. Въ стихотвореніи „Туча“ ласковый вѣтеръ колеблетъ зеленую листву:

„И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ“.

Въ другомъ стихотвореніи зимній вѣтеръ даритъ свои холодныя ласки одинокому листу обнаженнаго дерева:

„Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ“.

(Я пережилъ свои желанья).

У Лермонтова встрѣчается иной вариантъ этого же мотива:

„У Чернаго моря чинара стоить молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская“...

(Дубовый листокъ).

Пушкинъ много сказалъ о вѣтрѣ. Но онъ только описываетъ его, не объясняя. Онъ подошелъ къ нему, какъ человекъ, спокойно наблюдающій явленіе со стороны. Не какъ вскрывающій его сущность философъ. Тютчевъ даетъ намъ ключъ къ пониманію стихійнаго начала вѣтра:

„О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значить странный голось твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ
И ноешь и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!
О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!“

Вѣтеръ поеть о міровомъ хаосѣ. Хаосъ, который является причиной и возникновенія и гибели всѣхъ вещей.

Въ такихъ чертахъ отразилась въ поэзіи Пушкина воздушная стихія.

Водная стихія.

Воздушная стихія имѣетъ въ поэзіи Пушкина всѣхъ своихъ представителей: рѣка, озеро и море. Пушкинъ даетъ намъ рядъ пейзажей, оживленныхъ бѣгущей рѣкой.

Но онъ не подмѣчаетъ трепета жизни ни въ ропотѣ ея тихихъ струй, ни въ шумѣ ея бурныхъ волнь.

Рѣки Пушкина текутъ своимъ шумнымъ, но механически безжизненнымъ путемъ въ зеленой рамкѣ береговъ.

Рѣки поэтъ раздѣляетъ на нѣсколько категорій по степени ихъ величины: ручеекъ, ключъ, источникъ, ручей, рѣчка, рѣка, потокъ.

Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ поэта ручеекъ часто бѣжитъ въ густыхъ заросляхъ роши:

„Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ, журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ“... (Блаженство).

Въ другомъ мѣстѣ:

„И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть выются сонною волной“ (Русл. и Людм.,
п. II, 325—326).

Поэтъ нерѣдко упоминаетъ о ключѣ:

„Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины“ (Кавк. Плѣн., ч. I).

Или, еще примѣръ:

„Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный“. (Подраж. Пѣснѣ Пѣсней).

Ручей, подобно ручейку, много разъ повторяется въ связи съ рощей:

„Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы“
(Воспом. въ Царск. Селѣ).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Люблю я въ полдень воспаленный
Прохладу черпать изъ ручья
И въ рощѣ тихой, отдаленной
Смотрѣть, какъ плещеть въ брегъ струя“ (Вода и вино).

Въ посланіи „Къ Юдину“:

„Вблизи ручей шумитъ и скачетъ,
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ“...

Ручей не всегда окружается поэтомъ зеленымъ хороводомъ деревьевъ. Иногда онъ заставляетъ ручей бѣжать съ журчаньемъ вблизи гробницы:

„И вокругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ“... (Гробъ юноши).

Это сочетаніе журчащаго ручья съ молчаливой могилой повторяется поэтомъ при описаніи могилы Ленскаго:

„Тамъ у ручья, въ тѣни густой,
Поставленъ памятникъ простой“ (Ев. Он., гл. VI, XV).

Мирное теченіе ручья нарушаетъ иногда человѣкъ. Поэтъ сплетаетъ въ одномъ поэтическомъ наброскѣ холодныя струи ручья съ дѣвушкой:

„За малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ, и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ“... (Гробъ юноши).

Ручеекъ и ручей въ своемъ движеніи или „бѣжитъ“ (Подр. Пѣснѣ Пѣсней), или „чуть вьются“ (Русл. и Людм., п. II, 326), или „бродитъ“ (Блаженство), или „плещетъ“ (Вода и вино), и только изрѣдка „шумитъ и скачетъ“ (Вода и вино).

О своей жизни ручей даетъ знать или потому—что онъ „лепечетъ“ (Городокъ), или „чуть слышится“ (Воспом. въ Царск. Селѣ), или „журчитъ“ (Гробъ юноши).

Рѣки по своему характеру дѣлятся на двѣ группы: рѣки съ медленнымъ и тихимъ теченіемъ и рѣки съ бурнымъ теченіемъ.

Рѣку съ тихимъ теченьемъ поэтъ называетъ „тихоструйная“ (Ск. о Мертв. Цар.), „тихая“ (Городокъ), „волнистая“ (Къ Юдину), „лоно тихихъ водъ“ (Примѣты). Волны такихъ рѣкъ или „сонныя“ (Русл. и Людм., п. V, 308), или „тихо-спящія“ (Къ Юдину).

Цвѣтъ водъ ихъ: „синія“ (Напол. на Эльбѣ), „прозрачныя“ (Желаніе), „ясныя“ (Гробъ юноши), „свѣтлыя“ (Вадимъ), „серебрянныя“ (Русл. и Людм., п. VI, 278).

Ихъ медленное теченіе поэтъ выражаетъ глаголами—или „журчатъ“:

Рѣка „едва журчала“ (Русл. и Людм., п. V, 309).

Или „струитъся“:

„Воды струились тихо“ (Ев. Он., гл. VII, XV).

Или „тихонько увлечь“:

„Его тихонько увлекаетъ

Къ заливу свѣтлая рѣка“ (Вадимъ).

Или „литься“:

„Вонъ онъ льется! Здравствуй, Донъ!“ (Донъ).

Или же шумъ тихо-бѣгущей рѣки поэтъ называетъ „ропотомъ“:

„Полетъ синицы, ропотъ водъ—

Его бросали въ жаръ и потъ“ (Русл. и Людм., п. II, 124—126).

Въ одномъ изъ произведеній струя рѣки названа „звонкой“, издающей металлическій звукъ при паденіи на камни:

„Тамъ...,

Гдѣ сладко-звонкія струи“ (Сцена изъ Фауста).

Воды медленно-текущихъ рѣкъ поэтъ любитъ изображать зеркаломъ, въ которомъ отражаются прибрежные предметы:

„Кедровъ гордыя вершины,

И золотыя апельсины—

Зерцаломъ водъ отражены“. (Русл. и Людм., п. II, 305—307).

Въ другомъ произведеніи:

„Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива

И отразилась въ кристалѣ зыбкихъ водъ“ (Воспом. въ Царск. Селѣ).

Въ посланіи „Къ Юдину“:

„Мнѣ видится мое селенье,

Мое Захарово; оно

Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой—

Съ мосткомъ и рощею тѣнистой

Зерцаломъ водъ отражено“.

Въ „Евг. Онѣгинъ“:

„И водъ веселое стекло

Не отражаетъ ликъ Діаны“.

Поэтъ описываетъ одну изъ медлительно текущихъ рѣкъ „тихий“ Донъ:

„Блеща средь полей широкихъ
Вонъ онъ льется!.. Здравстуй, Донъ!“ (Донъ).

Отмѣченъ поэтомъ блескъ его тихихъ водъ. Его мѣсто-положеніе „средь полей широкихъ.“ Встрѣчаются у Пушкина картины рѣкъ и въ зимнемъ уборѣ:

„И рѣчка подо льдомъ блестить“
(Зимн. утро).

Это же описаніе почти дословно повторяется и въ „Евг. Онѣгинъ“:

„Опрятнѣй моднаго паркета
Блится рѣчка подо льдомъ“ (гл. IV, XVII).

На фонѣ зимняго пейзажа, поэтъ рисуетъ застывшую рѣку и гуся, который по старой привычкѣ собирается плыть:

„На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ“ (Ев. Он. гл. IV, XVII).

Во всѣхъ этихъ описаніяхъ рѣка одѣта въ ледяную броню. Есть у поэта одинокое изображеніе ея подъ снѣгомъ:

„Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою“ (Ев. Он., гл. VII,
XXX.).

Весною рѣка представляетъ иной видъ. Поэтъ описываетъ весенній ледоходъ, послѣ зимняго сна:

„Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ,
И, чуя вешни дни, ликуетъ“ (Мѣдн. Всадн., вступл.).

Поэтъ иногда покрываетъ рѣку съ ея берегами туманами:

„Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ“ (Русл. и
Людм., п. I.)

И еще разъ въ другомъ мѣстѣ:

„Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка“ (Сраж.
рыцарь).

Лоно тихоструйныхъ рѣкъ поэтъ украшаетъ часто рыбац-
кимъ челнокомъ или парусомъ:

„Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко“ (Мѣдн. Всадн.,
вступл.)

Въ поэмѣ „Русланъ и Людмила“:

„И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою“ (п. V, 323—326).

Или въ отрывкѣ „Вадимъ“:

„онъ парусъ развиваетъ
Плыветъ по волѣ вѣтерка;
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка“...

Кромѣ рыбацкаго паруса, у поэта нерѣдко спокойная
поверхность рѣки украшается плывущимъ лебедемъ:

„И вотъ, пернатый царь изъ-подъ
склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна
грудь;
Съ шумящей пѣною отважно волны гонить,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольца шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь, предъ Ледой
клонить“... (Леда).

Этотъ мотивъ—рѣки съ лебедемъ—не звучитъ одинокимъ
звукомъ. Онъ варьируется. Поведеніе лебеда на лонѣ водъ
служитъ вѣрной примѣтой для предсказанія погоды:

„Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ,
Плескаясь вечеромъ, окличуть твой приходъ...

.
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудить дождь
ревучій

Иль бьющій въ окна градъ...“ (Примѣты).

Лоно рѣки поэтъ оживляетъ или парусомъ или бѣлымъ
силуэтомъ лебедя. Берега рѣкъ оживляются молодымъ лицомъ
дѣвушки, склоненнымъ надъ сплетаемымъ вѣнкомъ:

„Передо мной шумѣлъ потокъ;
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ“ (Русл. и Людм., п. I,
293—295).

Жизнь бьетъ ключомъ не только на поверхности водъ.
Живетъ своеобразною жизнью и рѣчное дно. Рѣки поэтъ
населяетъ русалками:

„...Рогдая

Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла,
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увекала“ (Рус. и Людм.
п. II, 496—500).

Русалки всплываютъ на верхъ въ лунныя ночи. Онѣ
устраиваютъ шумныя игры на берегахъ:

Любо намъ порой ночью
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать“ (Русалка).

Поэтъ раскрываетъ передъ нами подводную жизнь рѣки,
ея темнаго дна. Передаетъ живой разговоръ двухъ рыбокъ:

„Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
—А, слышала ль ты, рыбка сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечеръ у насъ красна дѣвица утопилась,
Утопая, мила друга проклинала“... (Русалка).

Такъ описалъ поэтъ тихо—текущія рѣки и ихъ жизнь. Въ иномъ родѣ—рѣки бурныя.

Рѣки съ быстрымъ теченіемъ, по цвѣту ихъ сердитыхъ водъ, поэтъ называетъ: „сѣдой потокъ“ (Кавк. Плѣн., ч. I) „мутный“ (Кольна), у нихъ „мрачный валь“ (Мѣдн. Всадн., ч. I), или „черный“ (Кольна), или „мятежный“ (Вадимъ). Ихъ бурное теченіе отмѣчено эпитетами: „глубь кипящая“ (Кавк. Плѣн., ч. I), „могучій токъ“ (Кавк. Плѣн., ч. I), „разъяренныя воды“ (Мѣдн. Всадн., ч. I), „возмущенная глубина“ (Мѣдн. Всадн., ч. I), „пучина“ (Напол. на Эльбѣ).

Шумъ, производимый бурнымъ бѣгомъ рѣки, нашель себѣ выраженіе въ эпитетахъ: „воющій потокъ“ (Осгаръ), „шумныя воды“ (Русл. и Людм., п. II, 349), „гремучій валь“ (Кавк. Плѣн., ч. II). Поэтъ часто примѣняетъ къ бурно-текущей рѣкѣ глаголь „реветъ“:

„Глухая ночь. Рѣка реветъ.“ (Кавк. Плѣн. ч. I).

Въ стихотв. „Обваль“:

„Вдругъ, истошась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прерваль свой ревъ!“

Въ другомъ мѣстѣ:

„Нева вздувалась и ревѣла“. (Мѣдн. Всадн., ч. I)

Или глаголь „выть“:

„Гдѣ Терекъ...
Играеть и воеть...“ (Кавказъ).

Въ другомъ произведеніи:

„Онъ любить по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,

Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ“ . (Галубъ).

Или глаголь „свирѣпѣть“:

„Ты затопиль, освирѣпѣвъ,
Свои берега...“ (Обваль).

Въ стих. „Кавказъ“:

„Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ...“
Или глаголь „злиться“:

„Вставали волны тамъ и злились“. (Мѣдн. Всадн., ч. I).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Кипѣли злобно волны“. (Мѣдн. Всадн., ч. II).

Бурное теченіе рѣкъ объясняется ихъ гнѣвнымъ состояніемъ: „гнѣвная“ (Мѣдн. Всадн., ч. I), „злыя волны“ (Мѣдн. Всадн., ч. I), „Терекъ своенравный“ (Странствіе Ев. Он.), „Терекъ злой“ (Обваль).

Для выраженія крайняго гнѣвнаго возбужденія рѣки поэтъ пользуется многими сравненіями. Въ поэмѣ „Мѣдный Всадникъ“ онъ сравниваетъ рѣку въ бурю съ больнымъ, который въ жару мечется на своей постели, обступаемый со всѣхъ сторонъ кошмарными видѣніями бреда:

„Нева металась, какъ больной
Въ своей постели безпокойной“. (ч. I).

Или, разбушевавшаяся рѣка сравнивается съ котломъ, въ которомъ кипитъ вода и подъ которымъ разложенъ огонь:

„Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь“. (Мѣдн. Всадн., ч. I).

И тамъ же:

„Еще кипѣли злобно волны,
Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь“. (Мѣдн. Всадн., ч. II).

Поэтъ сравниваетъ бьющуюся о берегъ бурную волну рѣки съ челобитчикомъ, умоляющимъ судей о милости:

„Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пени
И бясь о гладкія ступени,

Какъ челобитчикъ у дверей

Ему не внемлющихъ судей“. (Мѣдн. Всадн., ч. I).

Сравненіе выдержано строго. Такъ человекъ, просящій о милости, въ мольбахъ бьется головой о каменныя ступени закрытыхъ дверей.

Поэтъ употребляетъ еще и другія сравненія. Онъ два раза пользуется сравненіемъ бурной рѣки съ остервѣнѣвшимъ звѣремъ:

„Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной:
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной. (Кавказъ).

Здѣсь сравненіе проводится съ молодымъ голоднымъ звѣремъ, заключеннымъ въ клѣтку. Онъ воетъ и бьется о желѣзныя прутья, увидѣвъ пищу.

Въ „Мѣдомъ Всадникъ“ берется при сравненіи другой моментъ. Рѣка сравнивается съ звѣремъ, который только что бросился на безпомощную жертву:

„И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась“ (ч. I).

Лермонтовъ также воспользовался этимъ красивымъ образомъ рѣки—звѣря:

„И разъяренною тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинѣ
Ревѣлъ...“ (Демонъ).

Въ поэмѣ „Кавк. Плѣн.“ поэтъ рисуетъ смѣлую борьбу человека съ бурнымъ теченіемъ горной рѣки:

„Сѣдой потокъ предъ нимъ шумить,
Онъ въ глубь кипящую несетъ.
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаешь мутную волну;
Изнемогая, смерти просить
И зрить ее передъ собой.

Но мощный конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выносить“. (ч. I).

Здѣсь интересно прослѣдить стройную послѣдовательность переправы черезъ потокъ. Всадникъ сначала „несется“ въ кипящую глуть. Бурнымъ натискомъ волнъ онъ „брошенъ ко дну“. Сила побѣдителя растеть. Сила побѣжденнаго слабѣть. Всадникъ „глотаеть“ волну. Черезъ нѣсколько мгновений, онъ уже „изнемогаетъ“ въ борьбѣ. „Просить смерти“. „И зрить ее“. Но сильный конь выносить истомленнаго всадника на другой берегъ.

Пушкинъ изображаетъ рѣки, не отгнѣняя ихъ своеобразной стихійной жизни. Иногда онъ населяетъ ихъ или миеологическими, или сказочными существами. Но эти образы являются лишь символическими фигурами.

Рѣзкою чертою отграничена душа человѣка, полная трепета жизни, отъ бездушнаго воднаго пространства, застывшаго на однообразномъ ритмѣ механическаго движенія.

У Лермонтова ручей „лепечеть“ человѣку „таинственную сагу“ (Когда волнуется желтѣющая нива).

У Пушкина шумъ рѣки звучитъ для человѣка музыкой безъ словъ, неразгаданной слухомъ.

Душа человѣка не пріобщается нигдѣ къ стихійной жизни рѣкъ.

Озеро своими покойными волнами даетъ поэту право на эпитеты „тихое“ (Воспом. въ Царск. Селѣ), „пустынное.“ (Ев. Он., гл. I, LX), у него волна или „лѣнивая“ (Воспом. въ Царск. Селѣ), или „сонная“ (Русалка).

По цвѣту своей воды, оно называется „сѣдое“ (Любовь — одна веселье жизни хладной), „лазурное“ (Деревня). Оно стелется вдали, „синѣя“ (Вновь я посѣтилъ).

Поэтъ рисуетъ зимній нарядъ озера:

„Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрываль недвижныя струи“ (Къ Овидію).

Обитатели озеръ навѣяны или античной мифологіей, въ образѣ наядъ: или же—славянской, въ образѣ русалокъ:

Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнливою волной“. (Вспом. въ Царск. Селѣ).

Въ полночный часъ, когда показывается на небѣ красный ликъ луны, всплываетъ наверхъ призрачная русалка:

„И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелестна и блѣдна“ (Русалка).

Такъ же, какъ поверхность рѣкъ, лоно озеро поэтъ любить украшать плывущимъ лебедемъ:

„Люблю
Близъ озера сидѣтъ,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжный,
Оставя знакъ прибрежный,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ“ (Городокъ).

Повторяется поэтомъ и сочетаніе лазурной дали озера съ бѣлѣющимъ парусомъ:

„Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда“ (Деревня).

Или, вмѣсто паруса, поэтъ рисуетъ на фонѣ озера рыбацкій челнокъ:

„Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собою
Убогій неводъ...“ (Вновь я посѣтилъ).

У Пушкина озеро отразилось только въ этихъ блѣдныхъ очертаніяхъ.

Пушкинъ море, какъ и вообще водную стихію, описываетъ только съ внѣшней стороны, какъ красивое явленіе. Но не обнажаетъ его неизмѣняемой сущности.

Море и небо родственны по своимъ краскамъ. Поэтъ отмѣчаетъ тѣ же цвѣта моря, какъ и неба. Начиная отъ свѣт-

лыхъ и кончая темными: „ясная влага“ (Нереида), „моря блескъ лазурный“ (Желаніе), „волны голубыя“ (Къ морю), „зеленяя волны“ (Нереида), „зеленѣющая влага“ (Бахч. фонт.), „синее“ (Ск. о рыбахъ и рыбкѣ), „темная глубина“ (Вадимъ).

Переливы этихъ красокъ соотвѣтствуютъ измѣнчивому цвѣту морскихъ волнъ, переходящихъ всѣ ступени отъ блѣдно-голубыхъ до темно-синихъ и темно-зеленыхъ тоновъ.

Море въ тихую погоду „лобзаетъ“ берега (Нереида).

И его шумъ—сладкій шумъ для слуха человѣка:

„И сладостно шумятъ полуденныя волны...“

(Рѣдѣтъ облаковъ летуч. гряда).

Морской шумъ поэтъ называетъ „грустнымъ шумомъ“, „гуломъ“, „отзывомъ“, „глухимъ звукомъ“ и „гласомъ бездны“, „говоромъ волнъ“ (Къ морю).

„Какъ я любилъ твои отзызы,

Глухіе звуки, бездны гласъ...“ (Къ морю).

Или шумъ моря поэтъ называетъ „воемъ“:

„Море вздуется бурливо,

Закипитъ, подыметъ вой...“ (Ск. о Царѣ Салт.).

Поэтъ сравниваетъ морской шумъ со скорбной красотой прощальныхъ словъ друга. Съ его горестнымъ призывомъ въ послѣдній мигъ разлуки. Такія же печальныя ноты звучать въ ропотѣ морскихъ волнъ:

„Какъ друга ропотъ заунывный,

Какъ зовъ его въ прощальный часъ,

Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный

Услышалъ я въ послѣдній разъ“ (Къ морю).

Или же поэтъ улавливаетъ въ шумѣ моря иную гармонию. Въмѣсто грустныхъ человѣческихъ словъ онъ слышитъ торжественный гимнъ природы—Творцу міра:

„Глубокой, вѣчный хоръ валовъ—

Хвалебный гимнъ Отцу міровъ“ (Ев. Он., гл. VIII, IV).

У Жуковскаго въ одномъ стихотвореніи подчеркивается эта же мысль:

„И ты, обитель чудъ, бездонная пучина,
Гремите пѣснь тому, Чей бурь звучнѣйшій гласъ
Велить—и зыбь горой; велить—и зыбь равнина“ (Гимнъ).

Или же сладкую музыку морскихъ волнъ Пушкинъ представляетъ въ видѣ неумолчнаго говора рѣзвящихся nereидъ.

Онѣ собираются въ зеленыхъ гротахъ моря и рассказываютъ другъ другу о любви къ нимъ боговъ:

„Какъ часто по берегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопоть Нереиды...“ (Ев. Он., гл. VIII IV).

Пушкинъ любитъ рисовать свѣтло-голубыя дали спокойнаго моря. Онѣ изображаетъ его въ видѣ раскинувшейся вдали лазурной равнины:

„По равнинамъ океана
Ѣдетъ флотъ царя Салтана“ (Сказ. о Царѣ Салт.).

Или же тихое море представляется поэту въ видѣ наброшенной тяжелой и роскошной ткани:

„Тамъ море движется роскошной пеленою
Подъ голубыми небесами...“ (Ненастный день потухъ).

Море въ ясные дни „не шумить“, „не хлещетъ“, а только лишь „едва-едва трепещетъ“:

„Подъ окномъ Гвидонъ сидить,
Молча на море глядитъ;
Не шумить оно не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ...“ (Сказ. о Царѣ Салт.).

Въ тихую погоду морская волна тиха и послушна желаніямъ человѣка. Она „лобзаетъ“ берегъ. Она въ образѣ зеленоволосой Нереиды любитъ навѣщать берега:

„Надъясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала“ (Нереида).

Въ сказкѣ „О царѣ Салтанѣ“ волна повинуется просьбѣ— заклинанію царевича:

„Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты насъ на сушу!“
И послушалась волна:
Туть же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько“.

Но морю нельзя вѣрить. Оно полно обманчивыхъ улыбокъ. Поэтъ отмѣчаетъ непостоянство морской стихіи въ отношеніяхъ къ человѣку:

„Невѣрная пучина“ (Русл. и Людм., п. I, 318), „слѣпая пучина“ (Земля и море), у моря „обманчивый валъ въ часы роковой непогоды“ (Пѣснь о Вѣщ. Олегѣ). Море въ бурную погоду враждебно человѣку. Поэтъ даетъ эпитеты бурному морю: „угрюмый океанъ“, „мрачное“ (Къ морю), „черная пучина“ (Напол. на Эльбѣ). Въ чудной сказкѣ „О рыбацѣ и рыбацѣ“ выражено постепенное возрастаніе гнѣва морского царя параллельно съ возрастаніемъ капризовъ старухи. Постепенный переходъ черезъ тонкіе оттѣнки тихаго состоянія моря въ гнѣвное возбужденіе.

Первый разъ пошелъ рыбацъ къ морю просить у золотой рыбки корыта:

„Видить: море слегка разыгралось“.

Второй разъ пошелъ старикъ къ морю—просить избу:

„Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море“.

Третій разъ посылаетъ его старуха просить у рыбки дворянства:

„Пошелъ старикъ къ синему морю:
Неспокойно синее море“.

Четвертый разъ съ бранью гонить старуха рыбака—просить ей царства:

„Старичекъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море“.

Въ пятый разъ идетъ старикъ къ золотой рыбкѣ. Не хочетъ быть старуха царицей, а хочетъ быть владычицей морской и имѣть на посылкахъ ее—золотую рыбку:

„Вотъ идетъ онъ къ синему морю
Видить: на морѣ черная буря,
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ“.

Есть у Пушкина и рѣзкое противопоставленіе тихаго моря бурному, въ связи съ настроеніями человѣка:

„Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользить и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ“... (Земля и море).

Тогда спокойное море влечетъ къ себѣ успокоенную душу человѣка:

„Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе“.

Когда тишина царитъ въ морѣ. Когда зефиръ тихо колеблетъ бѣлый неподвижно-висящій парусъ. Когда волны набѣгаютъ на берегъ съ ласкающимъ шопотомъ.—Тогда человѣкъ усыпленъ чарами этой нѣжной вкрадчивой ласки. Онъ забываетъ землю ради моря. И даже мелодичные голоса Музъ звучатъ менѣе пѣвуче, менѣе музыкально, менѣе нѣжно, чѣмъ ласковый шумъ моря. Оно убаюкиваетъ его душу своими зелеными сказками.

Пушкинъ рядомъ съ картиной тихаго моря ставитъ картину разгнѣваннаго:

„Когда же волны по брегамъ
„Ревутъ, кипятъ и пѣной блещутъ,
„И громъ гремитъ по небесамъ,
„И молніи во мракѣ блещутъ,
„Я удаляюсь отъ морей

„Въ гостепріимныя дубровы:
„Земля мнѣ кажется вѣрнѣй.
„И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
„Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
„Игралище слѣпой пучины,
„А я въ надежной тишинѣ
„Внимаю шумъ ручья долины“ (Земля и море).

Наступаетъ буря. Исчезла нѣжная и пѣвучая ласка. Въ человѣкѣ пробуждается стихійный страхъ. Онъ бѣжитъ въ „гостепріимныя дубровы“. Море негостепріимно.—Поэтъ проводитъ рѣзкую грань между моремъ и сушей. Земля покорна человѣку. Она имъ изучена. Онъ знаетъ законы, по которымъ она живетъ. И умѣетъ властвовать надъ ними, предвидя ихъ. Земля неизмѣнна въ своихъ отношеніяхъ къ человѣку. Сегодня она такова. Будетъ таковою и завтра. Сегодня „гостепріимныя дубровы“ принимаютъ человѣка подъ свои зеленые своды. И завтра примутъ такъ же. Иное—море. Оно внѣ власти человѣка. Онъ не знаетъ его законовъ. Можетъ только о нихъ гадать. Сегодня—море тихо. И ласково зоветъ человѣка въ свою блѣдно-синюю даль. Сегодня оно дружелюбно. Но завтра—налетаетъ буря. Человѣкъ, довѣрившійся гостепріимству моря—гибнетъ. Море названо „слѣпой пучиной“. Оно безъ глазъ въ своемъ яростномъ гнѣвѣ. Ему все равно, кто гибнетъ въ его волнахъ: прибрежный-ли тростникъ, или человѣкъ. Оно не постоянно въ своихъ отношеніяхъ къ человѣку. Вотъ почему во время бури на морѣ—человѣкъ устрашенъ, и подавленъ, и бѣжитъ отъ него. Поэтъ отмѣчаетъ въ морѣ его главную черту—могущество и независимость отъ воли человѣка. Онъ называетъ его „могучимъ“, „неодолимымъ“, ничѣмъ неукротимымъ“, и „свободной стихіей“ (Къ морю). Человѣкъ зависитъ отъ моря, отъ его прихоти:

„Смиранный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,

Скользить отважно средь зыбей,
Но ты взыгралъ неодолимый—
И стая тонетъ кораблей“... (Къ морю).

Мотивъ кораблекрушенія поэтъ часто повторяетъ:

„Пучина подъ челномъ
Кипитъ, подъемяется, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ трещитъ—и пополамъ“ (Вадимъ).

Тихое море „почиваетъ“. Въ бурю оно „кипитъ, подъемяется, клокочетъ“. Снова повторяется этотъ мотивъ въ стихотвореніи „Аріонъ“:

„Вдругъ лоно волнь
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ“...

Море иногда изображается вмѣстѣ съ берегами. Поэтъ на одномъ полотнѣ рисуетъ море и вѣнокъ дикихъ скалъ, окружающихъ его:

„И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага“ (Бахч. фронт.).

Поэтъ иногда море покрываетъ пеленою тумана:

„На море синее вечерній палъ туманъ“... (Погасло
дневное свѣтило).

Этотъ мотивъ заимствованъ изъ народныхъ пѣсенъ:

„Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“.

Море у Пушкина нигдѣ не принимаетъ антропоморфическаго образа. Морская волна съ ея зеленымъ цвѣтомъ и бѣлымъ гребнемъ пѣны на мигъ принимаетъ лишь божественный обликъ Нереиды. Ея тѣло имѣетъ такой же молочно-бѣлый цвѣтъ, какъ морская пѣна. Ея волосы, разсыпанные по блѣднымъ плечамъ, отливаютъ такимъ же прозрачно-зеленымъ оттѣнкомъ, какъ блещущая изумрудомъ, морская волна. Но Нереида не олицетвореніе моря во всемъ его цѣ-

ломъ. Пушкинъ не даетъ морю опредѣленнаго человѣческаго лица, какъ это дѣлаеть Лермонтовъ, представляя море старикомъ:

„И старикъ во блескѣ власти
Всталъ могучій, какъ гроза“ (Дары Терека).

Пустыннаго моря нѣтъ у Пушкина. Онъ не представляетъ его безъ связи съ живымъ существомъ. Часто въ синей дали моря бѣлѣеть парусъ, что также составляетъ характерную черту поэзіи Лермонтова:

„Бѣлѣеть парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ“ (Парусъ).

Или же, подобно тому, какъ озеро и рѣки сочетаетъ поэтъ съ плавающимъ лебедемъ, онъ украшаетъ имъ и поверхность моря:

„Снова князь у моря ходить,
Съ синя моря глазъ не сводить;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветь“ . (Ск. о Царѣ Салтанѣ).

Въ отрывкѣ „Вадимъ“, описывая Варяжское море, поэтъ рисуетъ на его фонѣ блѣдный обликъ лебедя:

„Качаясь, лебедь на волнѣ заснулъ“...

Или же на морскомъ берегу виднѣется бѣлый силуэтъ одинокой женской фигуры:

„Ты видѣлъ дѣву на скалѣ,
Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами?“ (Буря).

Въ другомъ мѣстѣ:

„По горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами“.
(Ненастный день потухъ).

Живое существо придаетъ жизненную теплоту безбрежно раскинувшемуся морскому пространству. Пушкинъ любитъ его шумъ въ тихіе безвѣтренные дни. Но когда поднимается

буря—море устрашаетъ поэта. Онъ видитъ въ немъ только слѣпую разрушительную силу.

Пушкинъ не отмѣчаетъ въ немъ, какъ въ тихомъ, такъ и въ бурномъ одного и того же элемента мірового космоса, обладающаго бытіемъ, какъ это видятъ мистическіе глаза Тютчева:

„Сладокъ мнѣ твой тихій шопоть,
Полный ласки и любви,
Внятенъ мнѣ и буйный ропоть,
Стоны вѣщіе твои“ (Mobile comme l'onde).

Тютчевъ улавливаетъ въ механическомъ движеніи моря біеніе стихійной жизни. Жизненная сила моря родственна жизненнымъ элементамъ души человѣка. Вотъ почему ему „внятны“ голоса моря и въ „тихомъ шопотѣ“ морскихъ волнъ и въ „вѣщихъ стонахъ“ морской бури. Эти голоса говорятъ о странѣ вѣчнаго бытія, откуда пришелъ человѣкъ и куда онъ долженъ возвратиться.

Въ такой рѣзкой антитезѣ нашло себѣ отраженіе море у Тютчева и у Пушкина.

Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію растительнаго царства.

Растительное царство.

Оно представлено Пушкинымъ въ лицѣ лѣса, отдѣльныхъ породъ деревьевъ, цвѣтовъ и плодовъ.

Пушкинъ описываетъ растительную жизнь, какъ декоративную обстановку, среди которой проходитъ яркая жизнь человѣка.

Поэтъ отмѣчаетъ постепенную послѣдовательность лѣса по величинѣ: рощица, роща, садъ, дубрава, боръ, лѣсъ.

Рощи поэтъ называетъ „боговъ пристанища святыя“.

(Конрадъ Валленродъ).

Поэтъ любить рисовать рощу въ своихъ юныхъ произведеніяхъ. Вообще, онъ тогда предпочитаетъ холмъ—горамъ, ручеекъ—рѣкѣ, рощу—лѣсу. Роща или изображается на одномъ фонѣ съ ручьемъ, бѣгущимъ въ ея тѣни. Или рощи изображаются усыпленными ночной темнотой:

„Въ безмолвной тишинѣ почилъ долъ и рощи“...
(Восп. въ Царск. Селѣ).

Или:—„И дремлютъ рощей сѣни“... (Пѣсня).

И въ другомъ произведеніи:

„Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою“ (Ев. Он., гл. VII, XX).

Поэтъ населяетъ рощу нимфами:

„И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась нимфа молодая“ (Черн. набр. 1829 г.).

Въ стихотвореніяхъ поэта нѣсколько разъ мелькаетъ картина веселаго деревенскаго сада, гдѣ все запущено и предоставлено естественному ходу вещей. Тамъ цвѣтеть душистая черемуха. Шумятъ липы. Качаются блѣдно-зеленыя березки и бѣжить ручей:

„Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтуть.
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну тѣнь даютъ,
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечеть у забора“ (Городокъ).

Есть у поэта чудное переложение отрывка из „Пѣсни Пѣсней“ Соломона, гдѣ въ краскахъ знойнаго юга развертывается передъ нами панорама сада. Вертоградъ, собственно, означаетъ плодовый садъ, виноградникъ:

„Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный.
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты,
Лишь повѣтъ аквилонъ
И закаплютъ ароматы“.

Поэтъ наполняетъ библейскій садъ прянымъ благоуханіемъ южныхъ растений. Краски въ немъ ярче по сравненію съ русскимъ деревенскимъ садомъ. Здѣсь „блестятъ золотые плоды“. Тамъ „темные“ своды березокъ. Роща скрываетъ въ своихъ таинственныхъ уголкахъ звонкоголосыхъ нимфъ. Въ запущенныхъ заросляхъ большихъ садовъ лѣсныя дріады:

„И сѣни расширялъ густыя
Огромный запущенный садъ—
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ“ (Ев. Он., гл. II, I).

Кромѣ рощи и сада, особенно часто поэтъ упоминаетъ о дубравѣ. Названіе лѣса дубравой близко соотвѣтствуетъ нашей сѣверной природѣ. По Далю, дубрава, въ собственномъ смыслѣ, означаетъ чернолѣсье, лиственный лѣсъ: дубнякъ, березнякъ, осинникъ. Въ народной поэзіи нерѣдко встрѣчается названіе лѣса—дубравой. Въ лѣснѣ Ваньки-Каина поется:

„Не шуми, мати, зеленая дубрава!“

Пушкинъ даетъ дубравамъ прекрасный эпитетъ:

„Хранители священной тишины“. (Осеннее утро).

Въ одномъ изъ стихотвореній красиво отмѣчается поэтомъ дрожащій лиственный кровъ дубравы:

„Ужъ полемъ всадники летятъ,
Дубравы кровъ оставя зыбкій“ (Наѣздники).

Подобно тому, какъ часто повторяетъ поэтъ мотивъ роши въ соединеніи съ ручьемъ,—онъ сочетаетъ въ одной картинѣ нерѣдко и дубраву съ ручьемъ:

„Брожу ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой“ (Къ моему Аристарху).

Въ дубравахъ спасается отъ мірскаго соблазна суровый анахоретъ:

„Надъ озеромъ, въ глухихъ дубравахъ
Спасался нѣкогда монахъ“... (Русалка).

Но больше, чѣмъ о дубравѣ, поэтъ говоритъ о лѣсѣ. *Лѣсъ* описывается посредствомъ многихъ эпитетовъ. По цвѣту, поэтъ называетъ его: „зеленый“ (Ев. Он., гл. I, XLVII), „синій“ (Вишня), „темный“ (Пѣснь о Вѣщ. Ол.), „мрачный“. (Русл. и Людм., п. V, 59). По своему виду, лѣсъ бываетъ „дремучимъ“ (Женихъ), „кудрявымъ“ (Къ сестрѣ). По своимъ настроеніямъ, лѣсъ или „дремлющій“ (Кольна), или „печальный“ (Черн. набр. 1830 г.), или „глухой“, или „таинственный“ (Элегія), или „священный“ (Черн. набр. 1820 г.).

Лѣсъ въ зимнее время года поэтъ называетъ „въ зимнемъ серебрѣ“ (Ев. Он., гл. V, I), „обнаженнымъ“ (Русл. и Людм., п. II, 290) и „прозрачнымъ“ (Зимнее утро).

Лиственный лѣсъ въ осеннюю пору одѣвается въ иные уборы:

„Въ багрець и въ золото одѣтые лѣса“ (Осень).

Лѣсъ иногда изображается поэтомъ покрытымъ дымными волокнами тумановъ:

„И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ“... (Мѣдн. Всадн., вступленіе).

Описание туманного лѣса еще разъ повторяется поэтомъ:

„Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ“ (Восп. въ
Царск. Селѣ).

Въ лѣсу господствуетъ или „прохладный сумракъ“ (Русл. и Людм., п. V, 303), или „пустынная тьма“ (Пѣвецъ), или „мертвый мракъ“ (Элегія).

Поэтъ въ „Евг. Онѣгинѣ“ изображаетъ лѣсъ въ снѣжномъ уборѣ, освѣщеннымъ трепетнымъ мерцаніемъ звѣздъ:

„Предъ ними лѣсъ: недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ.
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ“ (гл. V, XIII).

Поэтъ иногда замѣняетъ это освѣщеніе лѣса другимъ. Лѣсныя пустыни освѣщаются негрѣющимъ свѣтомъ луны:

„Зашла я въ лѣсъ дремучій
И было поздно; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи.
Съ тропинки сбилась я: въ глуши
Не слышно было ни души;
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли“. (Женихъ).

Лѣсной шумъ передается поэтомъ или глаголомъ „шептать“:

„Шепчетъ лѣсъ кудрявый“ (Къ сестрѣ).

Въ другомъ стихотвореніи:

„Ручей журчитъ, и шепчетъ лѣсъ“... (Гробъ юноши).

Или глаголомъ „роптать“:

„И ропщеть боръ“ (Обваль).

Или глаголомъ „шумѣть“:

„Сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли“ (Женихъ).

Въ поэмѣ „Мѣдн. Всадн.“:

„И лѣсъ...
Кругомъ шумѣлъ“.

Или же лѣсной говоръ выражаетъ поэтъ словомъ „шорохъ“:

„И шорохъ по лѣсамъ“ (Городокъ).

Лѣсъ полонъ своеобразной жизни. Среди тишины шелестятъ вѣтви подъ чьими-то косматыми руками. Хрустятъ безжалостно сломанные сучья. Никнутъ смятыя копытами травы. Вянутъ сорванные цвѣты. Въ зелени густыхъ кустарниковъ мелькаетъ уродливое лицо сатира:

„Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога,
То фавнъ—угрюмый житель
Лѣсовъ...“ (Фавнъ и паст.).

Поэтъ называетъ сатира, какъ обитателя лѣса, „богомъ лѣсовъ“ (Блаженство), „жителемъ лѣсовъ“ (Фавнъ и паст.) и „богомъ лѣснымъ“ (Фавнъ и паст.).

Но къ холодному стилю хвойнаго лѣса не подходитъ страстный звѣриный обликъ античнаго сатира. Онъ можетъ лишь дышать знойнымъ воздухомъ родной Эллады. У поэта встрѣчается другой угрюмый образъ лѣснаго бога—лѣшаго. Лѣшій соотвѣтствуетъ угрюмому характеру сѣвернаго лѣса. Лѣшій блуждаетъ по лѣсамъ. Заводитъ путника въ заколдованный кругъ, откуда нѣтъ выхода на вѣрную дорогу:

„Тамъ лѣшій бродитъ“... (Русл. и Людм., п. 1, 7).

Въ этой же поэмѣ Фарлафъ рассказываетъ о своемъ похищеніи Людмилы изъ рукъ враждебнаго лѣшаго:

„Я такъ нашель ее недавно
Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
У злого лѣшаго въ рукахъ“ (п. VI, 102—104).

Но не одни лѣшіе нарушаютъ вѣчную тишину лѣса. На вѣтвяхъ деревьевъ, смѣясь, качаются блѣдныя русалки:

„Русалка на вѣтвяхъ сидитъ“ (Русл. и Людм., п. I, 8).

Онѣ влекутъ на гибель случайныхъ путниковъ чарами зеленыхъ глазъ, чарами яркихъ губъ, чарами дѣвичьей улыбки.

Такова жизнь лѣса.

Лѣсъ знаетъ тайны природы болѣе, чѣмъ кто-либо. Его столѣтніе корни глубоко уходятъ въ глубь земли. Онѣ сплетены съ землей неразрывными вѣчными связями. Шелестъ листьевъ шепчетъ о тайнѣ земли. Въ древней Элладѣ по шороху листьевъ додонскаго дуба предсказывали будущее. Знать о будущемъ есть высшая сверхчеловѣческая мудрость. Будущее знаетъ только молчаливая земля. На загадочномъ языкѣ рассказываетъ о тайнѣ, неумолкая, говорливый лѣсъ.

У Фета душа человѣка ищетъ затерянные слѣды къ зеленой душѣ лѣса. Феть проситъ лѣсъ „распахнуть объятія“ своихъ влажныхъ рукъ. Онѣ хочетъ въ стихійномъ порывѣ слиться съ природой. Потерять свой обликъ человѣка, растворивъ свою душу въ таинственной, близкой къ землѣ душѣ лѣса:

„Чтобъ и я въ этомъ морѣ исчезъ,
Потонулъ въ той душистой тѣни,
Что раскинулъ твой пышный навѣсъ“... (Изд.
Маркса, т. I, стр. 220).

Лѣсъ—живой носитель стихійныхъ тайнъ природы. У Пушкина лѣсъ покоится въ мертвомъ снѣ:

„Иду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мертвый мракъ“... (Уныніе).

Лѣсное царство полно молчанія и мрака.

Изъ отдѣльныхъ сѣверныхъ породъ лѣса поэтъ упоминаетъ о тополѣ, дубѣ, ивѣ, липѣ, ракичѣ, елкѣ и соснѣ.

Встрѣчаются бѣглыя упоминанія и о нѣкоторыхъ другихъ.

Отдѣльныя породы деревьевъ. Тополь чаще другихъ встрѣчается у поэта. Онъ отмѣчаетъ его стройный стволъ, легко поднимающійся къ небу:

„Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись“.
(Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда).

Въ поэмѣ „Полтава“ стройный станъ Маріи сравнивается съ легкою стройностью тополя:

„Какъ тополь Кіевскихъ высотъ,
Она стройна“... (п. I).

Поэтъ называетъ тополь эпитетомъ „сребристый“ — по цвѣту его листьевъ, облитыхъ свѣтомъ луны:

„Чуть трепещуть
Сребристыхъ тополей листы“ (Полтава, п. II).

Дубъ—любимое дитя былевого эпоса—описывается часто поэтомъ. Онъ называетъ его „патріархомъ“ лѣсовъ за его столѣтнюю величественную красоту:

„Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ“ (Стансы).

Поэтъ надъ послѣднимъ жилищемъ человѣка, надъ его печальной могилой разстилаетъ шумящія вѣтви склоненнаго дуба:

„Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шума“... (Черн. набр. 1836 г.).

Лермонтовъ повторяетъ этотъ мотивъ въ стихотвореніи „Выхожу одинъ я на дорогу“:

„Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ“...

Но не всегда дубъ связывается со скорбнымъ видомъ одинокой могилы.

Его развѣсистыя вѣтви иногда слышать вмѣсто погребальныхъ пѣсенъ—горячія слова любовника. Въ драмѣ „Ру-

салка“ князь послѣ своей свадьбы вновь посѣщаетъ старую мельницу. Видитъ знакомый дубъ. И сейчасъ же изъ тумана воспоминаній встаетъ передъ нимъ, какъ живой, блѣдный ликъ далекой, покинутой женщины:

„Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный, здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла“...

У Жуковского дубъ также связывается съ любовными воспоминаніями. Подъ дубомъ происходятъ условленные встрѣчи:

„Густой согбенный дубъ съ дерновою скамьей,
. любовникамъ знакомъ“ (Опустѣвшая
деревня).

Ива, прославленная Шекспиромъ, у Пушкина встрѣчается въ трогательномъ сочетаніи съ ветхимъ домикомъ героини—Параши въ поэмѣ „Мѣдный Всадникъ“ (ч. I):

„Почти у самага залива,
Заборъ некрашенный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта“...

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ рисуетъ темныя тѣни ивъ, осѣняющихъ деревенскій прудъ:

„Прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ—
Раздолье утокъ молодыхъ“. (Странствіе Ев. Он.).

Липа шумитъ у поэта надъ ранней могилой юноши:

„Тамъ на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ“ (Гробъ юноши).

Поэтъ изображаетъ ракиту, подъ тѣнью которой лежитъ убитый богатырь:

„Въ чистомъ полѣ, подъ ракой,
Богатырь лежитъ убитый“ (Шотландская пѣсня).

Это описаніе ракиты навѣяно былинами. Тамъ часто упо-

минаются и образъ убитаго богатыря и чистое поле. Раки-
товый кустъ въ былинахъ играетъ значительную роль.
Микула Селяниновичъ за „ракиновъ кустъ“ бросаетъ свои
земледѣльческія орудія при встрѣчѣ съ Вольгой Свято-
славичемъ. Изъ хвойныхъ породъ лѣса, поэтъ упоминаетъ
объ елкѣ. Онъ называетъ ее чуднымъ эпитетомъ „тонковер-
хая“ (Сестра и братья). Поэтъ рисуетъ ее въ морозный день:

„Ель сквозь иней зеленѣетъ“ (Зимнее утро).

Сказочную бѣлку, грызущую золотые орѣхи, поэтъ помѣ-
щаетъ подъ развѣсистой елкой:

„Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;

Бѣлка пѣсенки поетъ

И орѣшки все грызетъ“... (Ск. о Царѣ Салт.).

Изъ ряда отдѣльныхъ породъ съ особенною любовью
поэтъ останавливается на родной ея сестрѣ—соснѣ. На общемъ
фонѣ сѣренькой русской природы поэтъ рисуетъ три сосны,
зеленѣющія вдали:

„На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,

Гдѣ въ гору подымается дорога,

Изрытая дождями, три сосны

Стоять: одна поодаль, двѣ другія

Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь когда ихъ мимо

Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,

Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ

Меня привѣтствовалъ“... (Вновь я посѣтилъ).

Три сосны запечатлѣлись въ памяти поэта, озаренныя
призрачнымъ свѣтомъ лунной ночи. Онъ воспроизводитъ ихъ
шелестъ въ знаменитомъ звукоподражательномъ стихѣ:

„Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ

Меня привѣтствовалъ“...

Стеченіе шипящихъ звуковъ создаетъ слуховую иллюзію
лѣсного шума:

„По той дорогѣ
Теперь поѣхаль я и предѣ собою
Увидѣль ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти“...

Поэтъ старое дерево, окруженное нѣжными молодыми побѣгами сравниваетъ со старымъ человѣкомъ, вокругъ котораго рѣзвятся дѣти! И рядомъ съ этимъ сравненіемъ поэтъ одиноко-стоящую третью сосну изображаетъ угрюмымъ старымъ холостякомъ:

„А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
По прежнему—все пусто“ (Вновь я посѣтилъ).

Знакомый намъ мотивъ сочетанія могилы съ деревомъ повторяется поэтомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ дубъ и липу поэтъ замѣняетъ сосной—близь печальной гробницы Ленскаго:

„Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ“ (Ев. Он.,
гл. VII, VI).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой“ (Восп. въ Царск.
Селѣ).

Образъ своей любимой няни поэтъ помѣщаетъ въ рамку сосноваго лѣса:

„Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня“ (Къ нянѣ).

Пушкинъ съ теплотою всюду говоритъ о соснахъ. Совершенно иное отношеніе къ соснѣ Фета:

„Я видѣть не могу надменныхъ этихъ сосенъ:
Онѣ смущаютъ рой живыхъ и сладкихъ грезъ,
И трезвый видъ мнѣ ихъ несносенъ.
Въ кругу воскреснувшихъ сосѣдей лишь онѣ
Не знаютъ трепета, не шепчутъ, не вздыхаютъ
И, неизмѣнная, ликующей веснѣ
Пору зимы напоминаютъ“... (Сосны).

Пушкина плѣняла стройно бѣгущая вверхъ сосна простою своего наряда. Но Феть „не можетъ видѣть“ этого „трезваго“ вида. Его взоръ оскорбляетъ неизмѣнно—зеленый ея уборъ. Ея иглы не знаютъ старости; но вѣдь онѣ не знаютъ и радости юныхъ дней. Вѣчно зеленая онѣ гордятся своей мертвой надменной красотой.

Изъ деревьевъ южныхъ странъ поэтъ называетъ оливы, мирты, лавры, кедры, кипарисы... Но всѣ упоминанія о нихъ мимолетны. Олива напоминаетъ поэту образъ забытой, когда-то любимой женщины:

„Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно—голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ“ (Для береговъ
отчизны дальной).

На фонѣ мертвой пустыни поэтъ рисуетъ зловѣщій Анчаръ. Знойное небо. Желтые пески. Горячій вѣтеръ:

„Въ пустынь чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной“.

Пустыня названа „чахлой“, болѣзненной, неспособной произростать плодоносныя растенія. Она названа „скупой“. Она дрожитъ надъ своей внутренней энергіей, какъ скупой надъ золотомъ. Кое-гдѣ лишь произвела она жалкую зелень.

„Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,

И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила“ (Анчаръ).

Пустыня породила Анчаръ „въ день гнѣва“. Оригинальное сопоставленіе явленія гнѣва съ ядовитостью растенія. Какъ въ день радости совершаются дѣла, клонящіяся ко всеобщему благу, счастью, радости, такъ въ день гнѣва совершаются дѣла разрушительнаго свойства, клонящіяся ко вреду, насилію, убійству.

Анчаръ, порожденный „въ день гнѣва“ устрашающимъ часовымъ стережетъ входъ въ пустыню. Поэтъ любитъ изображать деревья одной породы или въ видѣ лѣса:

„Предъ нею.....

Лѣсъ лавровый“. (Русл. и Людм., п. II, ст. 301, 303).

Няня его ждетъ:

„Въ глуши лѣсовъ сосновыхъ“ (Къ нянѣ).

Или рощами:

„Кипарисныя благоухають рощи“... (Черн. набр. 1829 г.).

Или же идущими аллеями, рядами:

„Зыблются, шумять

.....

Аллеи пальмъ“... (Русл. и Людм., п. II, 300, 303).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами“
(Воспом. въ Царск. Селѣ).

Въ поэмѣ „Полтава“:

„И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихую главою,
Какъ судьи, шепчуть межъ собою“ (п. II).

Въ поэмѣ „Русланъ и Людмила“:

„И благовонныхъ миртовъ рядъ“... (п. II, 304).

Въ посланіи „Къ Юдину“:

„Старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона“.

Или поэтъ изображаетъ деревья по ихъ числу, два, три:
„Двѣ сосны корнями срослись“ (Евг. Он., гл. VI, XL).

Или еще примѣръ:

„Передъ избушкой двѣ рябины“ (Странствіе Евг. Он.).

Въ стихотв. „Осень“:

„На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ“.

Кромѣ этого, мы видѣли уже описаніе трехъ сосенъ: двѣ вмѣстѣ, третью—стоящую въ одиночествѣ. Лермонтовъ употребляетъ этотъ же пріемъ въ стихотвореніи „Отчизна“. Онъ любитъ:

„На холмѣ, средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ“.

Но онъ пользуется не однимъ этимъ пріемомъ. Онъ разнообразитъ свои описанія и другими. Лермонтовъ употребляетъ красивое сравненіе деревьевъ съ пляшущимъ хоро-
водомъ:

„Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой“ (Мцыри).

У Пушкина нѣтъ такихъ изображеній, полныхъ жизни. Его рисунокъ застылъ на однообразно идущихъ линіяхъ. Онъ не даетъ образа дерева, трепещущаго жизнью.

Изъ растительнаго царства, кромѣ деревьевъ, рассмотримъ еще цвѣты, травы и плоды.

Цвѣты. Пушкинъ изъ цвѣтовъ чаще остальныхъ упоминаетъ о розѣ. Изъ другихъ встрѣчаются бѣглыя описанія лиліи, ландыша, мака. Розу поэтъ называетъ по цвѣту: „румяная“ (Отрыв. 1827 г.) и „алая“ (Къ Н.). Красоту ея поэтъ выражаетъ въ эпитетахъ: „прекрасная“ (О дѣва—роза), „дивная“, „пышная“ (Отрыв. 1827 г.), „гармоническая“ (Е. Н. Ушаковой). Ея аромать отмѣченъ эпитетомъ „душистая“ (Къ Батюшкову).

Роза мѣняетъ свои настроенія: иногда она бываетъ „tendre“ (Stances), иногда „милой“ (Бахч. фонт.), иногда „гордою“ (О дѣва—роза).

По времени года поэтъ называетъ розу „вешнею“ (Черн. набр. 1830 г.) и „младою“ (Измѣны).

Роза—цвѣтокъ дня, любящій солнце. Поэтъ называетъ ее „l'aimable fille d'un beau jour“ (Stances).

Интересно, что и Жуковский розу связываетъ съ солнцемъ:

„Солнце блестящее
Любить меня.
Мнѣ ли, красавицѣ,
Тѣни искать?“ (Пѣсня).

Роза у Пушкина—цвѣтокъ любви, символъ любовныхъ настроеній. Поэтъ даетъ розѣ эпитетъ „l'image de l'amour“ (Stances). Любовныя переживанія у всѣхъ народовъ стояли въ тѣсной связи съ ароматомъ цвѣтовъ. Въ „Пѣснѣ Пѣсней“ Соломона воспѣта знойная любовь среди лилій. Въ античной миеологии цвѣты вплетались въ миѣы о любви боговъ.

Пушкинъ посвящаетъ розу богинѣ любви Афродитѣ. Онъ называетъ розы „амуромъ насажденными“ (Красавицѣ, кот. нюхала табакъ), соединяя ихъ съ именемъ любимаго сына Афродиты. Кромѣ того, роза непосредственно дѣлается цвѣткомъ Афродиты: богиня „благословила“ розу. И этимъ сакральнымъ актомъ посвятила ее себѣ:

„Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Киѳерой
Цвѣтетъ румяна и пышна,
Благословенная Венерой“ (Отрыв. 1827 г.).

Афродита, царица наслажденій, неразлучна съ ароматомъ свѣжихъ розъ:

„Кругомъ висѣли розы,
Зеленый плющъ и мирты,

Сплетенные рукою
Царицы наслаждений“. (Фіаль Анакреона).

Обстановка любовныхъ свиданій окружается благоухающимъ вѣнкомъ изъ розъ:

„Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровь,

.
Гдѣ царствуетъ любовь“. (Фавнъ и паст.).

Прекрасный образъ любимой женщины связывается въ пестромъ потокѣ воспоминаній съ увядшею на ея груди розой:

„Не розу паеосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою.
Не розу ееосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю:
Но розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей“...

Поэта не трогаютъ прославленные розы. Ни розы острова Патоса, гдѣ онѣ цвѣли, обрызганныя утренней росой, у храма Афродиты. Ни розы острова Теоса, славящіяся по всей Элладѣ своей красотой. Онѣ украшали пиры, обрызганныя красными каплями вина. Любовь у Пушкина одѣвается въ благоухающія одежды, сплетенныя изъ розъ. Въ трогательной сербской народной пѣснѣ объ „Йово и Марѣ“ — любовь ихъ обвѣяна прянымъ ароматомъ розъ. Мара поетъ о любимомъ юношѣ:

„Пахнетъ розою, мать дорогая,
Пахнетъ розой у нашего дома.
Не душа ли то носится Йовы?
Пахнетъ розой: идетъ ко мнѣ милый!“ (Перев.
Щербины).

Цвѣты уже съ древнихъ временъ сдѣлались символами. Языкъ цвѣтовъ былъ широко распространенъ въ средніе вѣка. И сохранился до нашего времени. У Пушкина розѣ приписывается нѣсколько разнообразныхъ символическихъ значеній.

На древнихъ пирахъ на головы пирующихъ одѣвались вѣнки изъ розъ. Этотъ образъ пира и человѣка, увѣнчаннаго розовымъ вѣнкомъ, употребляется поэтомъ часто для выраженія веселья, радостнаго настроенія:

„Нашъ праздникъ молодой
Сіяль, шумѣль и розами вѣнчался“ (19 окт. 1836 г.).

Здѣсь роза принимаетъ символъ шумнаго веселья. Въ другомъ мѣстѣ поэтъ, чтобы ярче отгнѣнить картину торжествующаго бѣга Діониса, пользуется розами для обстановки пьянящаго восторга:

„Вино струится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплются кругомъ“ (Торжество Вакха).

Или роза является символомъ женской красоты. Женское начало имѣетъ высшее свое проявленіе въ красотѣ. Такъ розовый кустъ проявляетъ породу и мощь своихъ корней въ пышно-расцвѣтшемъ цвѣткѣ:

„Для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтеть?“ (Измѣны).

Поэтъ любитъ сравнивать образъ красивой женщины съ розой:

„Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣеть, милая, тебя“ (Бахч. фонт.).

Въ „Альбомѣ Евг. Онѣгина“ приводится то же сравненіе:

„И съ розой схожи вы, блеснувшюю весной;

Вы такъ же, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой“.

Нѣсколько разъ поэтъ употребляетъ выраженіе „дѣва—роза“. Здѣсь слито въ одно и юная прелесть дѣвушки и юная прелесть розы:

„Розы—дѣвы красоты,
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды“ (Леда).

Въ драмѣ „Пиръ во время чумы“:

„И дѣвы—розы пьемъ дыханье,
Быть можетъ, полное чумы“...

Въ стихотв. „Роза“ сплетаются въ граціозную гирлянду эмблемы розы и лиліи. Роза, какъ эмблема уже отцвѣтшей жизни. Лилія, означающая невинность, какъ эмблема только что расцвѣтшей жизни:

„Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза—
Дитя зари.
Не говори:
„Такъ вянетъ младость!“
Не говори:
„Вотъ жизни сладость!“
Цвѣтку скажи:
„Прости, жалѣю!“
И на лилею
Намъ укажи“.

Нѣтъ болѣе розы. Опали ея лепестки. Но ты не печалься. Видишь, какъ распускается бѣлая лилія. Развѣ она не столь же прекрасна, какъ и роза?

Роза не всегда цвѣтеть въ одиночествѣ. Часто надъ нею поетъ влюбленный въ ея красоту соловей:

„Соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,

Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ,
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной“ (О, дѣва—роза).

Этотъ мотивъ поэтъ варьируетъ еще нѣсколько разъ, плѣ-
нившись его граціозной прелестью:

„Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей;
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ
И подъ влюбленный гимнъ колышется и дремлетъ“.
(Соловей).

Въ поэмѣ „Бахч. фонтанъ“:

„И, съ милой розой неразлучны,
Во мракѣ соловьи поютъ“.

Кромѣ любви соловья къ розѣ, поэтъ рассказываетъ о
милолетней любви зефира и розы:

„Только весною
Зефиръ молодую
Розой плѣненъ“ (Измѣны).

Иногда надъ розою слышится жужжаніе золотыхъ пчелъ.
Пчела любитъ нѣжный ароматъ розъ:

„Внемлешь ты

Журчанью пчель надъ розой алой“ (Къ Н.).

У Фета роза и пчела сплетаются въ брачную пару:

„И тебѣ, царица роза,
Брачный гимнъ поетъ пчела“.

Въ такихъ краскахъ поэтъ рисуетъ намъ образъ царицы
цвѣтовъ. Лилія встрѣчается рѣдко у Пушкина. Онъ называетъ
ее „царицей средь полей“, „горделивой“, она растётъ въ
„роскошной красотѣ“ (Воспом. въ Царск. Селѣ). Лилія, по-
добно розѣ, сравнивается съ дѣвушкой:

„Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею,
Красавица цвѣтетъ“ (Фавнъ и паст.).

Ландышъ называется поэтомъ „душистымъ“ (Красав., кот. нюхала табакъ), „бѣлоснѣжнымъ“ (Городокъ) и „потаеннымъ“ (Евг. Он., гл. II, XXI). Поэтъ говоритъ о любви ландыша и фіалки:

„Ландышъ бѣлоснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной“ (Городокъ).

Ландышъ своей невинной чистотою сравнивается съ дѣвушкой:

„Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна—
Въ глазахъ родителей она
Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой“ (Евг. Он., гл. II, XXI).

Макъ, какъ живой цвѣтокъ, не встрѣчается у Пушкина. Всюду поэтъ употребляетъ его, какъ символъ сна. Снотворное зелье, приготовляемое изъ мака, даетъ окраску всему характеру цвѣтка:

„И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи...“ (Городокъ).

Въ другомъ мѣстѣ:

„На макахъ лѣни въ тихій часъ
Онъ сладко засыпаетъ“. (Мечтатель).

Богъ сна рисуется поэту, увѣнчанный краснымъ вѣнкомъ изъ маковъ и склоненный на посохъ въ сладкой истомѣ:

„въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходитъ въ мирны сѣни,
Вѣнчанный макомъ и склоненъ
На посохъ томной лѣни“. (Мечтатель).

Пушкинъ, какъ мы видимъ, любитъ упоминать о цвѣтахъ. Но въ своихъ изображеніяхъ онъ не отражаетъ ихъ живого облика. Онъ или только ихъ называетъ, или сопровождаетъ краткимъ эпитетомъ, или же пользуется цвѣтами, какъ мер-

твыми символами. Нигдѣ у поэта цвѣтокъ не живетъ своей индивидуальной жизнью, какъ ландышъ у Лермонтова:

„Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль въ утра часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой“... (Когда волнуется
желтѣющая нива).

Передъ нами раскрывается своеобразная жизнь лѣсного уголка. Кругомъ красные отблески зари. Одинокій кустъ. Подъ его тѣнью бѣлые колокольчики ландыша, полные серебряныхъ слезъ. Онъ радуется вмѣстѣ съ человѣкомъ и солнцу, и холодной росѣ, и аромату золотистыхъ травъ. Ландышъ живетъ, дышетъ и чувствуетъ радость бытія. Цвѣты Пушкина— не живые цвѣты садовъ, лѣсныхъ полянъ и степей. Они искусно сдѣланы изъ бархата и шелка опытной рукой мастерицы. И выставлены на показъ въ зеркальномъ окнѣ магазина. Они прекрасны въ своей мертвой холодной красотѣ безъ жизни, безъ аромата, безъ увяданья.

Травы представлены Пушкинымъ болѣе блѣдно, чѣмъ цвѣты. Онъ упоминаетъ о ковыль-травѣ въ „Пѣснѣ о Вѣщемъ Олегѣ“:

„Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь...“

Въ былинахъ часто встрѣчается ковыль. Такъ въ былинѣ „Добрыня и Змѣй“ разсказывается:

„Да ударилъ онъ змѣинища Горынища;
Еще пала то змѣя да на сыру землю,
На сыру то землю пала во ковыль-траву“ . (Гильферд.,
т. II).

Павилика теперь рѣдко упоминается поэтами. Но до Пушкина ее любили вплетать въ граціозныя сочетанія и Батюшковъ и Жуковский. У Жуковского есть музыкальный стихъ въ связи съ павиликой:

„И крестъ поверженный обвить
Листами павилики“ . (Двѣнадцать спящихъ дѣвъ).

У Пушкина павилика встрѣчается мелькомъ въ лицейскихъ произведеніяхъ:

„Кривой бродящей павиликой
Завѣшенъ брегъ тѣнистыхъ водъ“, (Изъ Аріостова
Orlando Furioso, гл. 106).

Въ другомъ произведеніи павиликой играетъ зефиръ:

„И колышетъ павиликой
Тихо вѣющій зефиръ“ (Блаженство).

Изрѣдка поэтъ упоминаетъ о тростникѣ:

„И тихо зыблется тростникъ“ (Аквилонъ).

Въ былинахъ крапива употребляется для картины запустѣнія:

„Ай ты, батюшко, король литовскій!
Стоквалось по родимой мни сторонушки,
Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско, на
помѣстыцо:

Тамъ не выросло ль зеленое крапивушко?“

(Молодецъ и худая жена. Гильферд., т. II).

Интересно, что и у Пушкина обиліе крапивы создаетъ обстановку, полную разрушенія:

„Онъ видитъ Новгородъ великій,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ.
Но тынъ обросъ крапивой дикой,

.

Въ травѣ заглохъ широкой дворъ“. (Вадимъ).

О травахъ въ поэзіи Пушкина больше сказать нечего. Изъ *плодовъ* встрѣчаются у Пушкина упоминанія объ апельсинахъ, лимонѣ, яблокѣ и виноградѣ. Апельсины названы „золотыми“ (Русл. и Людм., п. II, 306). Лимонъ красиво опредѣленъ эпитетомъ „влажнозернистый“ (Пуншева пѣсня).

Яблоку посвящается нѣсколько стиховъ:

„Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно

Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось,
Видно сѣмячки насквозь“. (Ск. о Мертв. цар.).

Съ большею любовью поэтъ останавливается на виноградѣ.

Изъ всѣхъ плодовъ онъ наиболѣе любимъ поэтомъ, какъ роза изъ цвѣтовъ:

„И въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь—ночныхъ пировъ отрада“ (Желаніе).

Темно-золотая окраска янтаря походить на темно-золотой цвѣтъ нѣкоторыхъ сортовъ винограда. Сравненіе винограда съ драгоценными камнями повторяется еще разъ:

„Все живо тамъ, холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда“ (Бахч. фонт.).

Красный виноградъ своимъ измѣнчивымъ цвѣтомъ напоминаетъ переливы огней въ яхонтѣ.

По цвѣту виноградъ еще называется „пурпурнымъ“:

„На скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровой“
(Къ Овидію).

Виноградъ награждается у поэта эпитетомъ „переселенецъ новый“. Это названіе винограда указываетъ на его иноземное происхожденіе. Онъ не туземное растеніе, а вывезенное съ юга.

Въ минутномъ капризѣ настроенія поэтъ сплетаетъ въ пышный вѣнокъ любимые цвѣты съ любимыми плодами:

„Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной.
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой;
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой...“

Розы расцвѣтають въ солнечные дни весны. Виноградъ созрѣваетъ въ дни „золотой“ осени. Розы прекрасны. Но ихъ красота мимолетна. Онѣ уже увяли. На мѣсто весны пришла осень. Нѣтъ печали о розахъ въ душѣ поэта. Виноградъ—„краса долины“, „отрада осени“ замѣняетъ поэту отцвѣтшія розы. Послѣ ласкательныхъ именъ, даваемыхъ по этому винограду, идетъ сравненіе виноградныхъ ягодъ съ пальцами молодой дѣвушки. Здѣсь уже окраска не играетъ главной роли. Другой признакъ принять въ немъ за существенный—его форма. Каждая изъ его ягодъ такой же формы, какъ стройные пальцы красавицы. Имѣетъ такой же прозрачно-бѣлый оттѣнокъ, какъ цвѣтъ ея кожи:

„Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой“. (Виноградъ).

Въ рамкѣ изъ золотистыхъ кистей винограда поэтъ рисуетъ безумное лицо вакханки:

„Вѣнчанны гроздемъ, обнаженны
Бѣгутъ вакханки по горамъ“. (Торжество Вакха).

О плодахъ упоминаній больше не встрѣчается.

Такой пестрой панорамой развертывается передъ нами растительное царство.

Г о р ы.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію царства *горъ*.

Пушкинъ описываетъ ихъ, какъ и другія явленія природы внѣшнимъ образомъ, не отвѣчая на вопросъ объ ихъ скрытой сущности.

Горное царство у Пушкина отмѣчено степенью высоты, оттѣнками названій: холмъ и гора. Чѣмъ горы, у Пушкина встрѣчаются описанія холмовъ и холмистой мѣстности. Это и понятно. До своей ссылки на югъ Россіи поэтъ не зналъ горъ. Онъ былъ знакомъ лишь съ природой средней полосы Россіи. Ему была близка и понятна ея однообразная

равнина, изрѣдка прерываемая небольшими возвышенностями. При описаніи этихъ возвышенностей поэтъ пользуется синонимами, едва отличающимися другъ отъ друга: холмъ, курганъ, косогоръ.

Холмы поэтъ нерѣдко описываетъ лежащими рядами:

„За ними рядъ холмовъ...“ (Деревня).

Или идущими грядою:

„Тамъ холмовъ тянутся грядой

Однообразныя вершины“ (Кавк. Плѣн., ч. I),

Поэтъ иногда рисуетъ холмъ освѣщеннымъ луннымъ свѣтомъ:

„Луна во мглѣ перебѣгала

Изъ тучи въ тучу, и курганъ

Мгновеннымъ свѣтомъ озаряла“. (Русл. и Людм.,
п. V, 442—444).

Иногда же холмъ рисуется обвитый туманами:

„Тяжелый, пасмурный туманъ

Нагіе холмы обвиваетъ...“ (Русл. и Людм., п. IV,
204—205).

Часто поэтъ украшаетъ вершину холма шумящимъ дубомъ.

„Недавно дубъ надъ высотой

Въ красѣ надменной величался“ (Аквилонъ).

Этотъ мотивъ повторяется:

„Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ,

Море синее кругомъ,

Дубъ зеленый надъ холмомъ“. (Ск. о Царѣ Салт.).

Интересно отмѣтить вариантъ этого мотива въ популярномъ романсѣ Мерзлякова, передѣланномъ изъ народной пѣсни:

„Среди долины ровныя,

На гладкой высотѣ

Цвѣтеть, растеть высокій дубъ

Въ могучей красотѣ“.

За холмами высятся горы. На описаніе горъ у Пушкина вліялъ, главнымъ образомъ, Кавказъ, подобно тому, какъ на

описаніи моря сказалось вліяніе Крыма. Эпитеты горъ распа-
даются на нѣсколько категорій. По своему наружному виду
горы бывають „пустынныя“ (Русл. и Людм., п. II, 286) „не-
приступныя“ (Кавк. Плѣн., ч. I), „крутыя“ (Фавнъ и Паст.),
„дикія“ (Русл. и Людм., п. V, 59), „высокія“ (Желаніе), „уте-
систыя“ (Вадимъ). По своей формѣ горы встрѣчаются „ле-
жащія полукругомъ“ (Евг. Он., гл. VII, VI). По своей окраскѣ
горы или „свѣтлоснѣжныя“ (Кавк. Плѣн., ч. II), или „сѣдыя“,
или „румяныя“, или „синія“ (Кавк. Плѣн., ч. I), или „темныя“
(Русл. и Людм., п. V). По своему матеріалу онѣ бывають
„кремнистыя“ (Кавк. Плѣн., Посвященіе). По своему мѣсто-
положенію—„приморскія“ (Бахч. фонт.), „полнощныя“ (Русл.
и Людм., п. III, 31), „окрестныя“ (Евг. Он., гл. VII, I) и
„окоужныя“ (19 окт. 1826 г.). По своему состоянію горы
иногда „спящія“ (Кавк. Плѣн., ч. I), иногда „нѣмыя“ (Кавказъ),
иногда „угрюмыя“ (Кавк. Плѣн., ч. I) и „мрачныя“ (Вадимъ).

Поэтъ часто изображаетъ горы въ видѣ массивной гро-
мады или груды:

„неприступныхъ горъ

Надъ нимъ воздвигнулась громада“ (Кавк. Плѣн., ч. I).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Вперяль онъ неподвижный взоръ

На отдаленныя громады

Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ“

(Кавк. Плѣн., ч. I).

Въ этомъ же произведеніи:

„Въ дали прозрачной означались

Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ“ (Кавк. Плѣн., ч. II).

Въ стихотвореніи „Кавказъ“:

„Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады“.

Въ отрывкахъ изъ „Странствія Евг. Онѣгина“:

„Вдали—кавказскія громады“.

Описаніе горъ „громадою“ смѣняется „грудю“:

„На небѣ синемъ и прозрачномъ

Сіяли груди вашихъ горъ“ (Странствіе Евг. Он.).

Пушкинъ при описаніи горнаго пейзажа употребляетъ свой любимый приѣмъ: начиная изображеніе сверху, постепенно спускать его къ низу стройными кругами. Рельефно выражень этотъ приѣмъ въ стихотвореніи „Кавказъ“. Описаніе начинается съ головокругительной высоты, гдѣ стоитъ одинокая фигура человѣка.

И, описывая широкіе круги, поэтическое изображеніе горнаго ландшафта оканчивается на долинахъ, лежащихъ внизу.

Круги, описываемые поэтомъ, совпадаютъ съ различными поясами горной природы. Сначала идутъ ледники. Вѣчные снѣга. Холодныя тучи. Ниже—открываются голыя скалы. Еще ниже—жалкій мохъ и низкорослые кустарники. Дальше—начинается поясъ листовеннаго лѣса. Параллельно съ кругами поясовъ растительнаго царства идутъ поясы животнаго царства въ томъ же нисходящемъ порядкѣ. Въ недосыгаемой высотѣ, наравнѣ со стоящимъ человѣкомъ, паритъ орель. Ниже появляются голосистыя птицы. Еще ниже—въ зеленой чащѣ мчится пугливый олень. И еще ниже—бродятъ стада съ пастухами.

Въ одномъ изъ отрывковъ „Странствія Евг. Онѣгина“ поэтъ снова повторяетъ это же описаніе:

„Передъ нимъ паритъ орель державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога,
Верблюды стоятъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ пасется конь черкеса,
И вокругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы калмыковъ“.

Здѣсь круги описанія спускаются внизъ лишь только по представителямъ животнаго царства.

Встрѣчаются у Пушкина описанія отдѣльныхъ вершинъ кавказскаго хребта. Два раза описывается Бештау.

„пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Ауловъ и полей властитель пятиглавый.
Быль новый для меня Парнасъ...“ (Кавк. Плѣн.,
Посвященіе).

Горная вершина сравнивается съ отшельникомъ величавой наружности. Онъ, какъ анахоретъ, стоитъ одиноко, вдали отъ міра. Послѣ этого сравненія, поэтъ отмѣчаетъ его „пятиглавую“ форму. Въ отрывкахъ изъ „Странствія Евг. Он.“ опять изображается Бештау:

„Уже, пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный“.

Форма этой вершины здѣсь отмѣчается другимъ признакомъ: не по числу главъ, а по рисунку острыхъ очертаній.

Бештау описывается окруженнымъ кольцомъ холмовъ. Мгновенная фантазія поэта производитъ причудливыя метаморфозы. Уже исчезъ образъ „пустыни сторожъ вѣчный“. Проходятъ вѣка за вѣками. И неизмѣнно снѣжный Бештау стережетъ предверіе пустыни, раскинувшейся у его ногъ. Кромѣ Бештау, встрѣчается у поэта описаніе другой вершины Кавказскаго хребта—Эльбруса:

„колосъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ“. (Кавк. Плѣн., ч. I).

Эльбрусъ отчетливо рисуется на голубоватомъ фонѣ неба строгими линіями своей снѣжной верхушки. Изломы его очертаній красиво сравниваются съ вѣнцомъ, возложеннымъ на голову.

Эпитеты, которые употребляются поэтомъ, близки эпитетамъ, характеризующимъ Бештау. Бештау названъ „пятиглавымъ“, Эльбрусъ—„двуглавымъ“. Бештау называется „величавымъ пустынникомъ“, Эльбрусъ—просто „величавымъ“. Ма-шукъ описывается иначе:

„зеленѣющій Машукъ,
Машукъ, податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой“.

(Странствіе Евг. Он.).

Машукъ изображается въ зеленомъ уборѣ лѣсовъ. Вниманіе поэта направляется не на его внѣшній видъ, а на его скрытую внутреннюю силу, на цѣлебныя струи источниковъ. При описаніи другой вершины, Казбека, поэтъ пользуется сравненіемъ съ бѣлымъ шатромъ:

„Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами“. (Монастырь на Казбекѣ).

Поэтъ въ связи съ горами упоминаетъ о пещерахъ. Въ пещерахъ „подъ дремлющими сводами, ровесниками самой природы“ (Русл. и Людм., п. I, 200—201) ютятся горныя сатиры:

„Вдругъ изъ глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ“. (Блаженство).

Въ пещеру поэтъ помѣщаетъ колдуна Финна.

Въ одномъ отрывкѣ 1829 г. Пушкинъ набрасываетъ бѣглыми, но сильными штрихами горное ущелье:

„Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ,
Тучи да снѣгъ...
Небо чуть свѣтитъ,
Какъ изъ тюрьмы“.

Горы у Пушкина застыли въ своей красивой неподвижности. Онъ даетъ имъ или образъ человѣка, или одного изъ предметовъ человѣческаго обихода. Онъ жадно слѣдитъ за ихъ измѣнчивой красотой, за переливами дневныхъ и вечернихъ красокъ. Онѣ являются то „синими“, то „сѣдыми“, то

„румяными“. Онъ любитъ сверкающими очертаніями ихъ снѣговыхъ вершинъ. Но—горы остаются передъ нимъ безмолвными декоративными украшеніями, чуждыми жизни. Для Тютчева горы полны божественнаго бытія. Ихъ внутренняя стихійная жизнь выше внутренней человѣческой жизни:

„Какъ божества родныя,
Надъ усыпленною землей,
Играють выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой“. (Снѣжныя горы).

Стихійное бытіе горъ отдѣляется отъ темнаго существованія человѣка и сливается съ вѣчнымъ бытіемъ боговъ.

Смѣна дня и ночи.

Теперь рассмотримъ *смѣну дня и ночи*.

Поэтъ *утро* называетъ „золотымъ“ (Вадимъ). Утромъ человѣкъ просыпается бодрымъ и полнымъ свѣжихъ, еще не растрченныхъ силъ. Поэтъ говоритъ о немъ:

„Утро—вдохновенья часъ“ (Элегія).

И первый лучъ его и шумъ его поэтъ называетъ однимъ и тѣмъ же эпитетомъ „игривый“:

„Утра лучъ игривый“ (Русл. и Людм., п. IV, 196).

Въ поэмѣ „Полтава“:

„Раздался утра шумъ игривый“ (п. II).

Утромъ тиха и спокойна душа человѣка. Исчезаютъ безслѣдно ночныя тревоги. Утренній часъ, какъ выразился поэтъ, часъ „безмятежный“ (Бахч. фонтанъ).

Утренняя заря описывается постоянно поэтомъ. Она называется синонимомъ „денницей“. Это слово было въ почетѣ и у Батюшкова и у Жуковскаго. Описанія зари, мимолетныя и однообразныя, принимаютъ красивое выраженіе, благодаря многоцвѣтной игрѣ красокъ. — Народная поэзія одѣваетъ утреннюю зарю въ бѣлыя одежды. Поэтъ использовалъ этотъ

тонъ ея одѣяній, невинныхъ и чистыхъ, какъ свадебный нарядъ юной невѣсты:

„Какъ весенней теплой порою
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки

.
Выходила медвѣдиха“ (Начало сказки).

Въ одной изъ сказокъ снова повторяется бѣлый цвѣтъ зари:

„инда очи
Разболѣлись, глядючи
Съ бѣлой зари до ночи“ (Ск. о Мертв. Цар.).

Но скромная бѣлая заря, навѣянная народными пѣснями, смѣняется блестящей соперницей. Поэтъ любитъ изображать утреннюю зарю въ ликѣ богини Авроры. Ея одежды изъ золота и пурпура. Овидій въ „Метаморфозахъ“ рассказываетъ о пробужденіи Авроры:

„Вдругъ проснувшись, Аврора раскрыла на
свѣтломъ востокѣ
Двери пурпурныя и всѣ, розами полныя сѣни...“
(„Фазтонъ“, кн. II, пер. Фета).

Утромъ, завернувшись въ пурпурныя складки длиннаго хитона, Аврора появляется въ дверяхъ своего золотого чертога:

„утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ...“ (Егип. ночи).

Пушкинъ не показываетъ намъ золотого лица богини. Передъ нами лишь ея одежды, рдѣющія краснымъ золотомъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ „Евг. Онѣгина“ встрѣчается причудливое описаніе зари:

„Но вотъ багряною рукою
Заря, отъ утреннихъ долинъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ“ (Гл. V, XXV).

Это—та же богиня Аврора. И снова она является передъ нашимъ взоромъ съ ликомъ, покрытымъ темнымъ покрываломъ. На фонѣ утренняго неба показывается лишь ея одинокая рука багряннаго цвѣта въ тонъ ея одѣяній.

Всѣми оттѣнками краснаго цвѣта одаряется поэтомъ заря:

„Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса“ (Кольна).

Красныя одежды смѣняются багряными:

„Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса“ (Полтава, п. II).

Въ другомъ мѣстѣ:

„заря багряна
Лучами солнца возжена“ (Кольна).

Въ поэмѣ „Мѣдн. Всадн.“ описывается утро послѣ навод-
ненія:

„Багряницей
Уже прикрыто было зло“ (ч. II).

Послѣ густыхъ красныхъ цвѣтовъ слѣдуютъ болѣе блѣдныя:

„тихая денница
Румянитъ небеса“ (Фавнъ и Паст.).

Цвѣтъ румянца начинаетъ блѣднѣть. Красный цвѣтъ пере-
ходитъ въ розовые оттѣнки:

„Здѣсь, розовой денницы
Не видя никогда...“ (Къ Галичу).

Заря, подобно своенравной красавицѣ, мѣняетъ цвѣта
своихъ нарядовъ. Бѣлыя одежды смѣняются красными. Кра-
сныя уступаютъ мѣсто одеждамъ, сотканнымъ изъ золота:

„Въ часы денницы золотой...“ (Къ Юдину).

Или въ другомъ произведеніи:

„востокъ озолотится...“ (Мое завѣщ. друзьямъ).

Цвѣтъ золота переходитъ въ красновато-желтый цвѣтъ
пламени:

„Покойтесь безмятежно
До пламенной зари“ (Фавнъ и Паст.).

Эта окраска зари повторяется еще разъ:

„въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой“ (Окно).

Передъ нами проносится быстрая пляска красокъ, рдѣю-
щихъ кровью, блистающихъ златомъ.

Поэтъ любить изображать предразсвѣтные сумерки. Когда и небо и земля покрыты однотонной блѣдно-голубой дымкой:

„Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣеть,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣеть,
И всходитъ постепенно день“. (Евг. Он., гл. II, XXVIII).

Свое стройное описаніе поэтъ начинаетъ съ неба, постепенно спускаясь къ землѣ. Небосклонъ еще „блѣдень“. Звѣзды гаснутъ одна за другой. Побѣлѣлъ край земли на востокѣ. Пробѣжалъ предразсвѣтный вѣтерокъ. Описаніе обрывается на появленіи зари.

Или, въ другомъ мѣстѣ, опять встрѣчаемъ предразсвѣтные сумерки:

„Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я.
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ.
Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ былъ передо мною“. (Странствіе Евг. Он.).

Зари еще нѣтъ. Еще царить свѣтлая южная ночь, близкая къ утру. Одиноко горитъ утренняя звѣзда. Ея золотыя подруги уже погасли. Южное небо приняло прозрачно-синій цвѣтъ. Берега Крыма открываются съ моря—голубоватой панорамой. Они прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Ихъ красота называется поэтомъ „блескомъ брачнымъ“. Такъ невѣста наиболѣе прекрасна въ день своей свадьбы.

Утромъ, когда только что показывается золотой ободокъ солнечнаго диска, лучи его освѣщаютъ всегда сначала точки

болѣе высокорасположенныя: вершины горъ, верхушки деревьевъ. И только послѣ этого солнечный лучъ медленно спускается внизъ.

Поэтъ въ одномъ описаніи утра схватываетъ эту особенность:

„На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое.
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ
Навстрѣчу радостной денницы
Щебеча полѣтели птицы,
И разсвѣло“... (Вадимъ).

Всюду мы видѣли или блѣдный разсвѣтъ или зарю. Есть у поэта и описаніе утра въ полномъ расцвѣтѣ:

„Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежить;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣть,
И ель сквозь иней зеленѣть,
И рѣчка подо льдомъ блестить.
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена“. (Зимнее утро).

Исчезаетъ призрачная дымка, неясность очертаній, блѣдность красокъ. Все вокругъ свѣтло, ярко, отчетливо. Солнце разогнало голубыя полутѣни рассвѣта.

И янтарнымъ блескомъ озарило и лѣсъ, и застывшую рѣчку, и комнату поэта.

Итакъ, мы видимъ, какъ описываетъ Пушкинъ утро. Онъ отмѣчаетъ ряды постепенно то густѣющихъ то блѣднѣющихъ красокъ. Онъ ловитъ умирающіе лучи звѣздъ. Онъ слышитъ трепеть пробѣжавшаго предутренняго вѣтерка. Но самый актъ наступленія утра совершается у Пушкина механическимъ, безжизненнымъ путемъ. Тютчевъ вливаетъ жизненный эликсиръ въ этотъ процессъ. Онъ не только описываетъ утро. Онъ вдуваетъ въ него живую трепещущую душу.

Спить дѣвушка въ блѣдномъ сумракѣ разсвѣта. Появляется первый солнечный лучъ:

„Вотъ тихоструйно, тиховѣйно,
Какъ вѣтеркомъ занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдругъ что-то порхнуло въ окно.
Вотъ невидимкой пробѣжало
По темно-брезжущимъ коврамъ;
Вотъ, ухватясь за одѣяло,
Взбираться стало по краямъ;
Вотъ, словно змѣйка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вотъ, словно лента развѣваясь,
Межъ пологами развилось!
Вдругъ животрепетнымъ сіаньемъ
Коснувшись персей молодыхъ,
Румянымъ, громкимъ восклицаньемъ
Раскрыло шелкъ рѣсницъ твоихъ“. (Соч. Тютчева.
Изд. Маркса стр. 33).

Радостный привѣтъ солнечнаго луча пробуждаетъ спящую дѣвушку. Солнце встало. Вся природа радуется свѣтлому приходу бога. Отчего же она безмолвна? Почему она не соединяетъ и свой нѣжный голосъ къ поющему хору природы?

Вечеръ не такъ многоцвѣтно отразился въ поэзіи Пушкина, какъ утро. Вечеръ поэтъ называетъ „синимъ“ (Альб. Евг. Он.). Вечерняя заря сіяетъ переливами тѣхъ же красокъ, какъ и утренняя:

„Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный“ (Русл. и Людм.,
п. III, 215).

Въ этой же поэмѣ:

„Но день багряный вечерѣлъ“ (п. IV, 58).

Краски сгущаются до темныхъ оттѣнковъ:

„Справа западъ темно-красный“ (Черн. набр. 1824 г.).

Въ стих. „Городокъ“:

„на закатъ

Послѣдній лучъ зари

Потонетъ въ яркомъ златѣ“.

Въ стих. „Наполеонъ на Эльбѣ“:

„Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла

Лицо пылающей зари“.

Въ одномъ описаніи вечера встрѣчается черта, которую мы уже уловили въ изображеніи утра.

Вечерняя заря, погасая, послѣдними лучами еще озаряетъ высокія мѣста, когда внизу все покрыто мглой наступающей ночи:

„потухалъ закатъ огнистый,

Злата нагорныя скалы...“ (Галубъ).

Майковъ въ стихотвореніи „Жрецъ“ особенно ярко подчеркиваетъ эту особенность зорь:

„Пустыня въ сумракѣ синѣла;

Верхушка пальмы лишь алѣла

Надъ головой его, одна

Закатомъ дня озарена“.

Въ „Евг. Онѣгинъ“ мы находимъ описаніе постепеннаго наступленія вечера:

„Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды

Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Ужъ расходились хороводы.

Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ

Огонь рыбацій“. (Гл. VII, XV).

Синій вечеръ незамѣтно переходитъ въ темную ночь. И это наступленіе все темнѣющихъ и темнѣющихъ сумерокъ выражено поэтомъ въ медленномъ сгущеніи красокъ и въ медленномъ замираніи звуковъ. Сначала идутъ сѣрыя сумерки: „небо меркнетъ“. Сѣрыя краски темнѣютъ. И переходятъ въ ночь. Уже такъ темно, что вдали рыбаки зажигаютъ огни. Вмѣстѣ съ темнотой кругомъ дѣлается все тише и тише.

„Воды струяся“ болѣе тихо, чѣмъ это было днемъ. Явственно слышно жужжаніе пролетѣвшаго жука.

Замолкли звонкія пѣсни веселыхъ хороводовъ. Наступаетъ темная молчаливая ночь.

Въ этомъ описаніи выдержана поэтомъ строгая постепенность перехода вечера въ ночь. Въ раннемъ стихотвореніи „Кольна“, поэтъ пользуется другимъ приѣмомъ для выраженія этого же перехода:

„Небесь сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Спѣшитъ на темныхъ облакахъ“.

Переходъ вечера въ ночь отбѣняется мгновенною смѣною солнца луною. Умираетъ солнце вмѣстѣ съ лиловыми тѣнями вечера. Рождается луна въ черныхъ тѣняхъ только что при-близившейся ночи. Этотъ приѣмъ повторяется поэтомъ и въ другомъ мѣстѣ, принявъ нѣкоторое измѣненіе. Въ стихотвореніи „Сраженный рыцарь“ рисуется пейзажъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ:

„Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя,
Вечерняя тихо потухла заря.
Темнѣетъ долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка;
Лѣнливой грядою идутъ облака
И съ ними луна золотая“...

Отмѣчается поэтомъ тотъ же переходъ вечерѣющаго дня въ ночь. И этотъ переходъ выраженъ быстрой смѣной сіяющей зари— луною. Солнца уже нѣтъ. На западѣ только что горѣли пурпурныя розы. Теперь же медленно всходитъ луна „золотая“.

Въ стихотвореніи „Сонъ“ поэтъ сочеталъ въ одно стройное настроеніе медленное наступленіе вечера параллельно съ воз-растающимъ сномъ человѣка. Ненасытный хмурый вечеръ

двигается все ближе и ближе къ ночи. И растеть все сильнѣе и сильнѣе непреодолимое стремленіе ко сну:

„Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вокругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣеть оконъ свѣтъ,
На потолокъ какой-то призракъ бродить;
Блѣднѣеть ужъ, и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу, віясь, уходитъ.
И вотъ жезломъ невидимымъ своимъ
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣеть взоръ: „Кандидъ“ изъ вашихъ рукъ,
Закрывшия, упалъ въ колѣни вдругъ.
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете; надъ вами мира кровь“.

Вечеръ, какъ и утро, нашелъ себѣ одинаковое выраженіе въ поэзіи Пушкина. Поэтъ плѣнился яркостью ихъ красокъ. И отмѣтилъ ихъ переливы въ букетѣ рдѣющихъ розъ. Но эти розы не дышать, не трепещуть. Не тянутся онѣ жадными устами къ солнцу. Имъ чужда радость бытія. Вечеръ смѣняется ночью.

Ночь, какъ и луна, нашла себѣ таинственное отраженіе въ поэзіи Пушкина. Онъ осыпаетъ ее жемчугомъ своихъ эпитетовъ. По своимъ настроеніямъ ночь называется: „тихая“ (Полтава, п. II) „спящая“ (Стихи, сочиненные во время безсонницы), „задумчивая“ (Мѣдн. Всадн., вступл.) „бездыханная“ (Странствіе Евг. Он.), „безмятежная“ (Сонъ), „нѣмая“ (Пробужденіе), „безмолвная“ (Городокъ). Или она переживаетъ таинственныя настроенія. У ней „волшебная темнота“ (Мечтатель), она „таинственная“ (Сонъ). Ночь иногда бываетъ „печальной“ (Кольна), иногда „сладострастной“ (О дѣва—роза). По отношенію къ человѣку она бываетъ „благодарной“ (Евг. Онѣг., гл. I, XLVII). Иногда ея состояніе

мѣняется. Ночь называется поэтомъ и эпитетами: „угрюмая“ (Восп. въ Царск. Селѣ), „унылая полночь“ (Къ Юдину), она „праздная“ (Соловей и Кукушка). По цвѣту своему ночь иногда „смеркающаяся“ (Городокъ), „безлунная“ (Кавк. Плѣн.), „темная“ (Русл. и Людм., п. II, 501), „мутная“ (Бѣсы), у ней „темная краса“ (Бахч. фонт.) или, наоборотъ, „лунная“ (Русл. и Людм. п. IV, 212). Смотря по тому, къ какому времени года относится ночь,—измѣнчивы ея качества: „ненастная“ (Къ Наташѣ), „морозная“ (Евг. Он., гл. V, IX), „долгая“ (Цыганы), „теплая“ (Полтава, п. II).

Поэтъ любитъ изображать ночь въ видѣ темной тѣни, которая приближается въ сумеркахъ и, сгущаясь, покрываетъ всю землю прозрачно-чернымъ покрываломъ:

„На хижины сходила ночи тѣнь“... (Рѣдѣть облаковъ летучая гряда).

Въ другомъ мѣстѣ:

„на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь“ (Воспоминаніе).

Въ поэмѣ „Русланъ и Людмила“:

„Съ востока льется ночи тѣнь“... (п. I, 180).

Въ поэмѣ „Кавк. Плѣнникъ“:

„все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной“ (п. I).

И тамъ же:

„на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь“ (ч. I).

Или послѣдній примѣръ изъ „Евг. Онѣгина“:

„Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ“ (гл. II, XXVIII).

Кромѣ того, поэтъ изображаетъ ночь крылатымъ существомъ, закрывающимъ при полетѣ землю черными крыльями:
„тихъ полетъ полнощи“. (Мечтатель).

Въ другомъ произведеніи:

„тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхаль“. (Русл. и Людм.,
п. I, 498, 499).

Ночь поэтъ часто соединяетъ съ пѣніемъ соловья:

„Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчить, и свищеть, и гремитъ“. (Соловей и Кукушка).

Этотъ мотивъ повторяется еще въ нѣсколькихъ вариантахъ:

„и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей“. (Евг. Он., гл. VII, I).

Музыкальныя ноты соловьиного пѣнія нарушаютъ тишину ночи. Но кромѣ этихъ звуковъ, поэтъ улавливаетъ еще иной шумъ въ ночной темнотѣ, который заглушается криками суетливаго дня.

Ночная тишина сочетается имъ съ шумомъ рѣки:

„Ночной зефиръ
Струить ээиръ.
Шумить, бѣжитъ
Гвадалквивиръ“. (Испанск. романсъ).

Шумъ рѣки смѣняется шумомъ моря:

„И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна возшла.
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчить,
Лишь море Черное шумить“. (Странствіе Евг. Он.).

Въ поэмѣ „Кавк. Плѣнникъ“ встрѣчается описаніе ночи, усыпляющей своими чарами всю природу:

„померкнувъ, степь уснула;
Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны.

Олени дремлють надъ водами;
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ;
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ“. (ч. I).

Вся природа заворожена чарованіями ночи. Степь „уснула“. Луна—сонная: ея свѣтъ „блѣденъ“. Олени „дремлють“ по берегамъ рѣки. „Умолкли“ крики орловъ. Горы, сквозь сонъ, „глухо“ повторяютъ ночные звуки.

Пушкинъ часто описываетъ ночь. Онъ изображаетъ и сѣверныя ночи и знойныя ночи юга. Иногда въ одномъ и томъ же поэтическомъ наброскѣ ставитъ ихъ рядомъ, чтобы ярче отѣнить ихъ своеобразную красоту, чтобы рельефнѣе провести грань между тою и другою. Въ поэмѣ „Мѣдный Всадникъ“ описывается бѣлая петербургская ночь:

„Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы;
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла.
И не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса“. (Вступленіе).

Поэтъ часто отмѣчаетъ „прозрачность“ и въ южныхъ ночахъ. Но тамъ эту прозрачность создаетъ луна. Здѣсь нѣтъ луны. У ночи „блескъ безлунный“. Прозрачность бѣлой ночи дѣлаетъ „ясными“ и линіи спящихъ улицъ и адмиралтейскій шпиць. Поэтъ точно опредѣляетъ время между двумя зорями. Бѣлая ночь длится лишь „полчаса“.

Въ „Полтавѣ“ передъ нами открывается лѣтняя ночь въ Малороссіи. Стройное описаніе начинается поэтомъ съ неба и звѣздъ. Потомъ идетъ воздушное пространство между

небомъ и землей. И ниже — описаніе спускается до тополей шумящихъ серебристыми верхушками:

„Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещуть.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещуть
Серебристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ“. (п. II).

Поэтъ отмѣчаетъ опять „прозрачность“ ночи, какъ и въ прочитанномъ отрывкѣ изъ поэмы „Мѣдный Всадникъ“. Но здѣсь эта прозрачность создается свѣтомъ луны.

Въ поэмѣ „Бахчисарайскій фонтанъ“ поэтъ рисуетъ лѣтнюю ночь въ Крыму:

„Настала ночь. Покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля.
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья.
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На доли, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ“.

Здѣсь описаніе идетъ въ обратномъ порядкѣ по сравненію съ описаніемъ украинской ночи. Отъ низа оно подымается къ верху. Поэтъ начинаетъ съ полей. Потомъ идутъ лавровые своды съ соловьемъ. Выше — звѣзды и луна. Эта ночь полна томныхъ настроеній. Ее зачаровала томная луна. Вообще, поэтъ подчеркиваетъ сладострастную нѣгу южныхъ ночей довольно часто:

„Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!

Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей Пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ“! (Бахч. фонтанъ).

Южная ночь навѣваетъ нѣгу. Нѣгою полны дома. Нѣгою полны сады. Нѣгою полны гаремы. Ночь отравлена чарами луны. Луна выращиваетъ въ ночной мглѣ призрачные цвѣты. Они распространяютъ пряный ароматъ, отъ котораго кружится голова въ сладкой истомѣ. Характеръ луны окрашиваетъ настроеніе ночи. Въ описаніи украинской ночи луна „спокойно“ сіяетъ. И весь колоритъ ночи дышетъ безмятежнымъ успокоеніемъ. Луна свѣтитъ „томно“. И вся ночь окутывается томными грезами. Луна полна сладострастной нѣги. И ночь дышетъ нѣгою. Въ драмѣ „Каменный гость“ поэтъ проводитъ параллель между ночью юга и ночью сѣвера:

„недвижимъ теплый воздухъ. Ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ. Яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной“.

Знойная и страстная испанская ночь. Она напоена ароматомъ лимона и лавра. Поэтъ отмѣчаетъ благовоніе ночи. Этой черты мы нигдѣ не встрѣчали раньше въ описаніяхъ ночей. Кругомъ яркія краски безъ тѣней. Краски юга. Небо окрашено въ „густой и темный“ синій цвѣтъ. И въ первый и въ послѣдній разъ поэтъ называетъ луну эпитетомъ „яркая“. Яркій тонъ ея золотого диска составляетъ полную гармонію съ красками всей природы. „Яркая“ луна обладаетъ большею силою, чѣмъ блѣдная, какъ все яркое было всегда синонимомъ сильнаго, блѣдное — синонимомъ слабого. Испанская ночь подъ вліяніемъ „яркой“ луны дышетъ знойною лаской. И чтобы ярче синѣло испанское небо, ярче горѣла испан-

ская луна, ароматнѣе благоухалъ лимонъ, воздухъ дѣлался болѣе жгучимъ,—поэтъ рядомъ ставитъ холодную сѣверную ночь:

„А далеко на сѣверѣ, въ Парижѣ,
Быть можетъ, небо тучами покрыто, —
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ“.

Въ Мадритѣ — темносинее небо. Въ Парижѣ — небо „тучами покрыто“. Въ Мадритѣ „недвижимъ теплый воздухъ“. Въ Парижѣ — „холодный дождь идетъ“.

Подобныя параллели любить употреблять Пушкинъ. Мы этотъ пріемъ еще разъ встрѣчаемъ въ стихотвореніи „Ненастный день потухъ“. Здѣсь нѣтъ такого рѣзкаго различія между двумя ночами.

Краски блѣднѣе. И противопоставленіе сдѣлано не такъ рѣзко. Сначала идетъ описаніе сѣверной ночи:

„Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой.
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла“...

День потухъ, какъ потухаетъ факель. Наступаетъ хмурая и холодная ночь. И поэтъ вспоминаетъ другую ночь. Южную ночь, которая въ далекихъ краяхъ, теперь же, вотъ въ эти мгновенья, даритъ свои теплыя ласки:

„Далеко тамъ луна въ сіяніи восходитъ.
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами“...

Здѣсь — мгла покрываетъ небо „одеждою свинцовой“. Тамъ — „голубыя небеса“. вмѣсто сѣрыхъ одеждъ—голубыя. Здѣсь туманная луна, „какъ привидѣнье“. Тамъ — луна „въ сіяніи восходитъ“. Ночью человѣкъ чувствуетъ сильнѣе власть природы. День слишкомъ шуменъ, чтобы слышать тихіе звуки. Слишкомъ яркъ, чтобы уловить призрачную пляску тѣней. День полонъ крикливыхъ заботъ. Ночь полна тайны.

Ночь рождает тѣни. Чуть слышимый шорохъ. Встаютъ блѣдные лики видѣній. Посредствомъ этихъ еле уловимыхъ ухомъ звуковъ, посредствомъ еле различаемыхъ глазомъ очертаній природа говорить съ человѣкомъ:

„Мнѣ не спится: нѣтъ огня.
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня,
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопоть:
Укоризну или ропоть
Мной утраченного дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
— Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу“.

(Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы).

День во власти человѣка. Ночью человѣкъ во власти природы, во власти ея таинственныхъ, непознанныхъ силъ. У Пушкина мы видимъ лишь темное отраженіе ночныхъ настроеній. Онъ слышитъ странные голоса. Его томятъ неясныя волненія. Онъ хочетъ понять ночной шопоть. Хочетъ разгадать скрытую причину душевнаго смятенья. Онъ учитъ темный языкъ ночи. Но неподвижно черное покрывало тайны. Нѣтъ отвѣта. Ночные звуки остаются для него непонятными іероглифами египетскихъ пустынь.

Темный языкъ ночи разгаданъ Тютчевымъ. Для него— онъ звучитъ милою рѣчью далекой отчизны. Тютчевъ объясняетъ таинственное вліяніе ночи на человѣка. Хаосъ окружаетъ весь міръ вещей своими темными волнами. День, какъ лучезарная ткань скрываетъ хаосъ отъ взора человѣка. Но

близится ночь. Сорванъ блистающій покровъ. Обнажены бездны вѣчнаго хаоса. Человѣкъ явственно ощущаетъ свою близость къ нему. Человѣкъ ночью отданъ во власть стихійнымъ силамъ:

„Но меркнетъ день, настала ночь;
Пришла — и съ міра рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь...
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна!“ (День и ночь).

Времена года.

Послѣ смѣны дня и ночи, рассмотримъ *смѣну времени года*: весну, лѣто, осень и зиму.

Весну Пушкинъ называетъ эпитетами „красная“ (Къ Юдину), „легкая“ (Виноградъ), „сладостная“ (Осеннее утро), „пора любви“ (Евг. Он., гл. VII, II), „утро года“ (Евг. Он., гл. VII, I), „гостяя дорогая“ (Только что на проталинахъ весеннихъ), „краса природы“ (Цыганы):

„Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей“ ... (Евг. Он., гл. VII, IV).

Въ двухъ мѣстахъ поэтъ рисуетъ таянье снѣговъ весною:

„Весной растопленного снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли“

(Русл. и Людм., п. II, 61—63).

Въ „Евгениі Онѣгинѣ“:

„Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга“ (Гл. VII, I).

Природа радостно встрѣчаетъ весну послѣ своего зимняго сна:

„Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летить изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей“ . (Евг. Он., гл. VII, I).

Поэтъ при этомъ описаніи употребляетъ свой любимый приемъ. Начинаетъ рисовать картину сверху и заканчиваетъ ее внизу. Сначала идутъ радостные небеса. За ними—слѣдуютъ лѣса, едва покрытые зеленымъ пухомъ. Ниже—пестрыя долины и бродящія по нимъ стада. Природа „ясною улыбкой“ выражаетъ радость при приближеніи весны.

И растительное и животное царства вновь пробуждаются къ жизни. Поэтъ, въ другомъ мѣстѣ, изображаетъ весеннее ликование рѣки, освободившейся отъ своихъ тяжелыхъ ледяныхъ одеждъ:

„взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуеть“ (Мѣдн. Всадн., вступл.).

Бѣгло упоманутая поэтомъ, въ прочитанномъ нами отрывкѣ, пчелка, вылетающая изъ кельи восковой,—вновь появляется въ другой обстановкѣ:

„Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ

О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ль будетъ гостья дорогая,
Скоро ли луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Расцвѣтетъ черемуха душиста?“

(Изъ пѣсенъ, запис. Пушкинымъ).

Весна—свѣтлая фея для животнаго царства. Она „гостья дорогая“. Вмѣстѣ съ весной приходитъ для животныхъ солнце и радость бытія. И, погруженные въ мертвый зимній сонъ, они грезятъ о красныхъ волосахъ весны, объ ея горячей улыбкѣ. И ждутъ ея свѣтлаго прихода. Эти праздничныя весеннія настроенія окружающей природы иногда передаются и человѣку. Онъ соблюдаетъ обычай праздника Благовѣщенья—„свѣтлаго праздника весны“, какъ называетъ его поэтъ:

„Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать“ (Птичка).

Но лично поэтъ не любитъ весны:

„Я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я боленъ;
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены“.
(Осень).

Весна возбуждаетъ поэта страннымъ образомъ. Весною онъ „боленъ“. Бродитъ кровь. Безотчетная тоска овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Его весеннія настроенія противоположны весеннимъ же настроеніямъ всей природы:

„Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ

Въ лицо мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!“

Поэтъ пытается разъяснить эту загадку психологическимъ путемъ:

„Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуешь, живить,
Все, что ликуешь и блестить,
Наводитъ скуку и томленье
На душу, мертвую давно,
И все ей кажется темно?“ (Евг. Он., гл. VII, II).

Можетъ быть, его душа пережила радость? Можетъ быть, она мертва? И ее оскорбляетъ чужое ликованье, кипучая молодая жизнь, подобно тому, какъ оскорбляетъ человѣка, склоненнаго надъ мертвымъ тѣломъ близкаго, чужой веселый смѣхъ?

„Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ“?

Или человѣкъ, видя передъ собою зеленѣющей уборъ свѣжихъ листьевъ,—чувствуетъ на днѣ души своей скрытую печаль по увядшимъ листьямъ?

„Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?“ (Евг. Он., гл. VII, III).

Или же человѣкъ невольно проводитъ аналогію между жизнью природы и своею? Каждую осень умираютъ листья. Каждую весну вырастаютъ новые. Одни люди умираютъ. Другіе рождаются въ міръ. Вѣчная, непрерывная пляска жизни. И это порождаетъ темную скорбь.

Иныя настроенія навѣваются весною на Фета. Весенній шумъ звучитъ для него музыкой райскихъ садовъ:

„Заговорило, зацвѣло
Все, что вчера томилось нѣмо,

И вздохи неба принесло
Изъ растворенныхъ вратъ Эдема“.

Нѣтъ больше смерти. Шумить вокругъ юная жизнь. Нѣтъ больше ледяныхъ цѣпей. Зеленяя вѣтви деревьевъ, свободныя и радостныя, купаются въ солнечномъ блескѣ. Душа человѣка полна плѣнительныхъ сновъ. Она, какъ и окружающая природа, на мигъ забываетъ оковы сомнѣній. На мигъ, свободная и радостная, она вѣрится лучезарной улыбкѣ весны:

„Нельзя предъ вѣчной красотой
Не пѣть, не славить, не молиться“.

(Изд. Маркса, т. I, стр. 287).

Такія противоположныя переживанія навѣваетъ своимъ солнечнымъ крыломъ весна. Но не только весна была нелюбима Пушкинымъ. Еще болѣе удручающе дѣйствовало на него наше сѣверное *лѣто*. Картины природы въ лѣтнюю пору года совсѣмъ нѣтъ. Лѣто обставлено поэтомъ болѣе, чѣмъ бѣдно. Для лѣта поэтъ не находитъ въ своей неисчерпаемой царской сокровищницѣ эпитетовъ болѣе выразительныхъ, чѣмъ „красное“ (Осень), „быстрое“ (Евг. Он., гл. VII, XXIX), „сѣверное“ (Евг. Он., гл. IV, XL), „знойное“ (Цыганы). На этомъ истощается его творчество для описанія лѣта. Въ „Евгени Онѣгинѣ“ поэтъ небрежно и кратко замѣчаетъ о немъ:

„наше сѣверное лѣто,
Карриатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ — и нѣтъ“ (Гл. IV, XL).

Для весны поэтъ находитъ ея недостатки въ перечисленіяхъ:

„Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь (Осень).

Для лѣта тоже составляется списокъ его отрицательныхъ сторонъ:

„Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи...“

Поэтъ сравниваетъ человѣка съ жаждущимъ влаги полемъ въ лѣтній зной:

„Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страдаемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ“. (Осень).

Поля жаждутъ дождя. Человѣкъ жаждетъ питья. Лѣто расслабляетъ человѣка. И чтобы поддерживать въ себѣ бодрое настроеніе, чтобы „освѣжить“ себя, человѣкъ долженъ прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ.

Рѣзкою гранью отдѣляются отъ лѣтнихъ настроеній Пушкина — настроенія Тютчева:

„Какое лѣто, что за лѣто!
Да это просто колдовство“...

Яркія краски ослѣпляютъ поэта. Знойное солнце. Густыя, темныя тѣни, отбрасываемыя деревьями. Опьяняющій ароматъ пестрыхъ цвѣтовъ. Въ горячей истомѣ дремлющія степныя травы:

„Гляжу тревожными глазами
На этотъ блескъ, на этотъ свѣтъ:
Не издѣваются ль надъ нами?
Откуда намъ такой привѣтъ?“

(Изд. Маркса, стр. 174).

Лѣто уходитъ. На смѣну ему показывается печальное лицо осени въ красныхъ одеждахъ. Пушкинъ называетъ *осень* пестрой вереницей эпитетовъ, въ которыхъ вылились причудливыя осеннія настроенія: „гнилая“ (Евг. Он., гл. VIII, XI), „дождливая“ (Шалость), „унылая пора“ (Осень), „скучная пора“ (Евг. Он., гл. IV, XV), у ней „холодная рука“ (Осен. утро), у ней „тихая краса, блистающая смиренно“ (Осень), она „золотая“ (Евг. Он., гл. VII, XXIX), красота ея „прощальная“ (Осень) она „пышное природы увяданье“ (Осень). Поэтъ отмѣчаетъ ея короткій день:

„Короче становился день“ (Евг. Он., гл. IV, XL).

Въ стихотвореніи „Осень“:

„Гаснетъ краткій день“.

Поэтъ перечисляетъ отрицательныя качества осени, какъ это онъ дѣлалъ и по отношенію къ веснѣ и къ лѣту:

„Въ послѣднихъ числахъ сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно: грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ“... (Графъ Нулинъ).

Въ поэмѣ „Цыганы“ опять слышится знакомый мотивъ:

И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ“.

Но всѣ ея недостатки на золотыхъ вѣсахъ любви перевѣшиваются ея достоинствами. Поэтъ любитъ осень:

„Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихую, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной“...
(Осень).

Изъ всѣхъ четырехъ подругъ осень выдѣляется своимъ печальнымъ, заплаканнымъ лицомъ. Она одинока и не согрѣта лаской. Она — нелюбимый ребенокъ. Фантазія поэта не застываетъ на этомъ образѣ. Она раскрываетъ новыя формы. Подмѣчаетъ новыя краски. Улавливаетъ новые звуки:

„Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной“ (Осень).

Осень уже потеряла обликъ нелюбимаго одинокаго ребенка. Передъ нами—подруга поэта. Она не привлечетъ къ себѣ ничьихъ суетныхъ глазъ. Она не блещетъ тою красотой, которая приковываетъ чужіе взоры, влечетъ неудержимо,

передъ которой гаснутъ всѣ желанія, кромѣ одного—созерцать въ ней красоту:

„встрѣтись съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно“... (Красавица).

Нѣтъ, такой роковою красотой не одарена его возлюбленная осень. Ея „тихую, блистающую смиренно“ красоту нельзя замѣтить сразу. Она постепенно проступаетъ сквозь блѣдныя и невидныя черты. Тщеславные любовники только одного желаютъ, чтобы ихъ избранница всѣхъ ослѣпляла красотой. Поэтъ отказывается отъ этого желанія. Его „своей нравная“ мечта отыскала много „добраго“ въ скромной подругѣ, скрытаго отъ чужого невнимательнаго взгляда. Но и этотъ образъ начинаетъ блѣднѣть передъ поэтомъ. И сквозь его тускляя линіи просвѣчиваетъ новый образъ осени:

„Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ:
Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ“. (Осень).

Осень — больная дѣвушка. Безгнѣвная и безропотная, она близится къ могилѣ. Ея губы красны. Еще играетъ улыбка на ея лицѣ. Еще горитъ алый румянецъ. Но всѣ эти радостные красные тона—не краски жизни, не признаки молодого расцвѣтающаго существа. Они говорятъ о смерти.

Пурпуровыя краски на лицѣ умирающей дѣвушки—полная параллель къ багровымъ одеждамъ поздней осени, близкой къ умиранію:

„Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецѣ и въ золото одѣтые лѣса,

Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы“. (Осень).

Осень свой путь къ смерти устилаетъ красными коврами. Она идетъ, трепещущая и блѣдная, одѣтая въ пурпурныя и золотыя ткани, какъ жертва къ кровавому алтарю:

„Настала осень золотая;
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана“. (Евг. Он., гл. VII, XXIX).

Поэтъ много разъ подчеркиваетъ основное выраженіе осени въ медленномъ, но яркомъ умираиѣ. Въ одной изъ главъ „Евгенія Онѣгина“ есть описаніе осени, гдѣ отмѣчена поэтомъ постепенность увяданья природы осенью:

„Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужъ у двора“. (Гл. IV, XL).

Природа клонится къ умираию. Поэтъ свое стройное описаніе начинаетъ сверху. Блѣднѣютъ краски неба. Рѣже появляется солнце. Лѣса теряютъ свои зеленыя одѣянія. На поляхъ встаетъ туманъ. Птицы улетають на югъ. Мотивъ отлета журавлей осенью повторяется еще разъ поэтомъ въ поэмѣ „Цыганы“:

* „Передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьѣмлетъ съ полей
Станица позднихъ журавлей

И съ крикомъ вдаль на югъ несется,—
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненнымъ крыломъ“.

Въ этой же поэмѣ описывается осенній отлетъ на югъ и другихъ птицъ:

✓ „Людыамъ скучно, людыамъ горе,
Птичка въ дальнія страны
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны“.

Что же дѣлаеть человѣкъ осенью? Поэтъ рассказываетъ объ его осеннемъ времяпрепровожденіи. Нѣсколько разъ повторяеть въ связи съ осенней погодой верховую ѣзду:

„Ведуть ко мнѣ коня; въ раздолии открытомъ,
Махая гривую, онъ всадника несеть—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенить промерзлый доль и трескается ледъ“.
(Осень).

Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„Выходитъ на дорогу волкъ.
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ. (Гл. IV, XLI).

Или его время занимаетъ охота. Осенняя охота носить своеобразный характеръ. Она—полная противоположность лѣтней, когда отъ жары и охотникъ и собака двигаются съ усиленіемъ въ лѣнливой истомѣ. Тургеневъ въ одномъ изъ „Разказовъ охотника“ даетъ изображеніе лѣтней охоты:

„Въ началѣ августа жары часто стоятъ нестерпимыя: въ это время, отъ 12 до 3 часовъ, самый рѣшительный и сосредоточенный человѣкъ не въ состояніи охотиться, а самая преданная собака начинаетъ „чистить охотнику шпоры“, т. е. идетъ за нимъ шагомъ, болѣзненно прищуривъ глаза и преувеличенно высунувъ языкъ; а въ отвѣтъ на укоризны

своего господина униженно виляетъ хвостомъ и выражаетъ смущеніе на лицѣ, но впередъ не подвигается“. (Малиновая вода).

Пушкинъ въ мимолетно-брошенныхъ словахъ характеризуетъ осеннюю охоту, когда холодъ придаетъ бодрость духу и стремительную энергію всѣмъ движеніямъ и охотника и его собакъ:

„сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своею —
И страждутъ озими отъ бѣшенной забавы,
И будить лай собакъ уснувшія дубравы“. (Осень).

Осень плѣняла поэта. Онъ любилъ ея яркіе багряные уборы; ея осыпающіеся съ легкимъ шумомъ листья; ея туманы, встающіе дымными призраками; ея холодныя росы. Ея воздухъ, сырой и прохладный, опьянялъ его, какъ крѣпкое вино. Онъ чувствовалъ въ осенніе дни бодрость настроенія. Мысли кипѣли шумнымъ роємъ. Мелодія чуть слышныхъ напѣвовъ звучала все ближе, все явственнѣе. И вмѣстѣ съ бодростью духа росло неудержимое стремленіе къ дѣятельности:

„И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезень русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ...
.....

И пробуждается поэзія во мнѣ“. (Осень).

Весной, когда жизнью кипитъ природа,—чужда этой жизни душа поэта. Осенью, когда вся природа полна грусти и предсмертнаго трепета,—душа поэта наполняется жизнью. Въ этомъ скрывается неразрѣшенная психофизиологическая тайна. Въ связи съ любовью поэта къ осеннимъ настроеніямъ

въ природѣ находится и его любовное отношеніе къ ея дѣтямъ — осеннимъ цвѣтамъ:

„Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самага свиданья“. (Послѣдніе цвѣты).

Блѣклыя умирающія краски осеннихъ цвѣтовъ ласкаютъ взоръ поэта своей печальной красотой.

Послѣ осени наступаетъ *зима*. Зиму поэтъ называетъ эпитетами: „жестокая“ (Мѣдн. Всадн., вступл.), „суровая“ (Осень), „сѣдая“ (Осень). Она „могучая“ (Пиръ во время чумы), „матушка-зима“ (Евг. Он., гл. VII, XXX). Поэтъ выдѣляетъ изъ общей массы и единичные атрибуты зимы: ея снѣгъ и ея морозъ. Снѣгъ онъ называетъ по его дѣйствию на человѣка: „благотворный“ (Примѣты). По своему виду онъ бываетъ „пушистый“ (Къ Овидію), „волнистый“, „рябой“ (Отрыв. 1833 г.), „мелкій“ (Графъ Нулинъ), „летучій“ (Бѣсы). Цвѣтъ его измѣняется въ зависимости отъ освѣщенія: днемъ онъ „блѣдный“ (Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ), во время зари онъ „розовый“ (Евг. Он., гл. V, IV). Поэтъ называетъ снѣгъ еще „хрупкимъ“ по его качеству (Евг. Он., гл. V, XIV). Часто поэтъ изображаетъ снѣгъ, лежащій ковромъ, или слоємъ:

„Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли“.

(Русл. и Людм., п. II, 278—279).

Въ стихотвореніи „Зимнее утро“:

„Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ“...

Или въ „Евг. Онѣгинъ“:

„Зимы блистательный коверъ“... (Гл. V, I).

Въ стихотвореніи „Къ Овидію“:

„Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга“...

Летящій снѣгъ поэтъ описываетъ въ видѣ разсыпныхъ
клочьевъ:

„клоками
Повисла на сукахъ дубовъ“
(Евг. Он., гл. VII, XXX).

Въ другомъ мѣстѣ:

„Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга“.
(Евг. Он., гл. V, XIII).

Или поэтъ изображаетъ снѣгъ падающими звѣздами:

„веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на берегъ“.
(Евг. Он., гл. IV, XLII).

Кромѣ этихъ описаній снѣга, имѣется еще изображеніе
его летящимъ вихремъ:

„Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя“.
(Зимній вечеръ).

Другой атрибутъ зимы — морозъ поэтъ называетъ „укрѣ-
пительнымъ“ (Черн. набр. 1830 г.) и „трескучимъ“ (Опричникъ).

Онъ два раза соединяетъ морозъ съ яркимъ солнцемъ въ
одной картинѣ:

„Морозъ и солнце — день чудесный!“
(Зимнее утро).

И такъ же въ „Альбомѣ Евг. Онѣгина“ повторяется почти
дословно этотъ мотивъ:

„Морозъ и солнце — чудный день“.

Поэтъ съ любовью останавливается на двухъ неразлуч-
ныхъ подругахъ изъ пляшущаго хора года годовыхъ временъ:
на осени и на зимѣ. Передъ нами вихремъ проносятся по-
этическіе образы, олицетворяющіе зиму.

Зима появляется въ сказочномъ ликѣ чародѣйки:

„и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки — зимы“.

(Евг. Он., гл. VII, XXIX—XXX).

Поэтъ въ этомъ граціозномъ наброскѣ представилъ игры чародѣйки. Она „пришла“. „Рассыпалась“. „Повисла“. „Легла“. „Сравняла пеленою“. Цѣлая гамма движеній. И эта игра быстрыми движеніями начинается сверху, сообразуясь съ направленіемъ падающаго снѣга. Сначала „разсыпалась“. Потомъ „повисла клоками“. Затѣмъ „легла коврами“. И послѣднимъ движеніемъ „сравняла“ берега съ поверхностью застывшей рѣки. Чародѣйка въ шаловливомъ танцѣ производитъ рядъ быстрыхъ превращеній. Ея блѣдная улыбка навѣваетъ на природу чары холоднаго сна. За ея фантастическимъ обликомъ слѣдуетъ иной образъ зимы. Зима принимаетъ строгій военный видъ. Передъ нами сомкнутые ряды тяжело идущихъ солдатъ. Исчезаетъ улыбка чародѣйки вмѣстѣ съ легкой стройностью ея движеній. Изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей полководца холодно смотрятъ безцвѣтные, не знающіе жалости глаза:

„могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ“.

(Пиръ во время чумы).

Мы видимъ могучаго царя-полководца. Онъ окружень

войсками. Поэтъ чудно воплощаетъ въ образы „косматыхъ дружинъ“ снѣга и морозъ. Снѣгъ самъ по себѣ пушистъ и можетъ имѣть косматый видъ. Морозъ дѣлаетъ другихъ косматыми, одѣвая колючими иглами. Но быстро скрывается и этотъ образъ зимы, уносимый волною творческой фантазіи. вмѣсто суроваго лица воина, посѣдѣлаго въ битвахъ, на поэта, смотритъ морщинистое и доброе лицо старухи. Вѣтеръ развѣваетъ пряди выбившихся сѣдыхъ волосъ. Ея лицо полно ласки:

„и жаль зимы — старухи“... (Осень).

Зимняя вьюга представлена поэтомъ фантастической игрой ея демоновъ-лѣшихъ. Дикая пляска снѣжныхъ хлопьевъ при блѣдно-желтомъ свѣтѣ мутной луны рождаетъ призрачные силуэты. Вѣтеръ кружитъ снѣжные хлопья. Они летятъ сверху. Поднимаются снизу. Переплетаются въ причудливыя гирлянды. Принимаютъ многоликія очертанія. Сплетаются въ быстрый кругъ чьи-то блѣдныя руки. Поютъ жалобно и протяжно невидимые хоры. Развѣваются чьи-то длинные безцвѣтные волосы:

„Безконечны, безобразны
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонять?
Что такъ жалобно поютъ?“ (Бѣсы).

Въ стихотвореніи „Зимній вечеръ“ зимняя вьюга выражена поэтомъ цѣлой симфоніей звуковъ. Вьюга воетъ, звѣремъ: Плачетъ ребенкомъ. Шелеститъ соломой. Стучитъ въ оконныя стекла.

Весна и лѣто ослабляютъ жизненную энергію человѣка. Понижаютъ его настроеніе. Осень и зима, наоборотъ, поднимаютъ его внутреннія силы. Возбуждаютъ въ немъ бодрость. Зима „свѣжитъ“ человѣка:

Въ одномъ изъ стихотвореній поэтъ описываетъ зимнюю охоту:

„Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ, и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой“.

(Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ).

Вся эта живая картинка обвѣяна бодримъ настроеніемъ. Въ ней много жизни, много движенія. Они несутся „рысью“. „Кружатся“. „Рыскаютъ“. Кромѣ веселаго бѣга саней, вдвоемъ съ подругой, или на тройкѣ подъ однообразный звонъ колокольчика, или въ быстромъ галопѣ на верховой лошади, поэтъ отмѣчаетъ другой, не менѣе веселый бѣгъ—на конькахъ:

„Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ ровныхъ рѣкъ“.

(Осень).

Въ другомъ произведеніи:

„Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ“

(Евг. Он., гл. IV, XLII).

Поэтъ нѣсколько разъ пользуется рѣзкимъ противопоставленіемъ зимнему морозу—домашняго уюта, озареннаго свѣтомъ затопленной печи. Этотъ мотивъ онъ любилъ повторять въ различныхъ вариацияхъ:

„Вся комната янтарнымъ блекомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь“. (Зимнее утро).

Въ драмѣ „Пиръ во время чумы“ навстрѣчу приближающейся зимѣ „трещать камины“. Въ стихотвореніи „Осень“:

„Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ ліеть,
То тлѣетъ медленно“...

Зиму поэтъ считаетъ принадлежностью всего „русскаго“:
Полезень русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ“ (Черн. набр. 1830 г.).

Или еще въ одномъ мѣстѣ, уже цитированномъ нами:
„Но бури сѣвера не вредны русской розѣ“...
(Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ).

Онъ любитъ зиму, какъ что-то родное и близкое. Правда, у зимы нѣтъ ни пахучихъ цвѣтовъ, ни горячаго солнца, ни зеленыхъ гирляндъ. Но объ этомъ не тоскуетъ душа поэта. Онъ любилъ ея однообразно-лежащіе снѣга, ея яркое негрѣющее солнце, свистъ и вой ея метелей. Его взоръ плѣнялся свѣжимъ личикомъ дѣвушки, на которомъ морозъ навелъ алый румянецъ. Онъ любилъ быстрый бѣгъ тройки подъ унылый звонъ колокольчика. Его трогали протяжныя грустныя пѣсни ямщика. Такъ отразилась зима въ настроеніяхъ поэта.

Теперь, подробно изучивъ все содержаніе поэзіи Пушкина, мы можемъ поставить вопросъ: *былъ ли близокъ Пушкинъ къ природѣ?*

Онъ описываетъ ея явленія. Но не объясняетъ ихъ. Онъ видитъ передъ собой плѣнительное лицо красавицы. Но черты красиваго лица нѣмы для поэта. Его взоръ скользитъ лишь сверху, любуясь игрой яркихъ красокъ, блескомъ глазъ, ритмомъ стройныхъ движеній, гордымъ сочетаніемъ строгихъ линий. Онъ не раскрываетъ передъ нами ея глубокой внутренней жизни. Не открываетъ тайны, которая мерцаетъ въ ея нечеловѣческихъ глазахъ.

Небо—подвѣшенная надъ міромъ людей занавѣсь. И только. Взоръ поэта не находитъ въ немъ таинственныхъ видѣній. Ему не являлись на небѣ въ грозу, какъ Тютчеву, чьи-то „грозныя зѣницы“, блещущія гнѣвными молніями. (Изд. Маркса, стр. 153).

Звѣзды у Пушкина бездушны, далеки и чужды людямъ. Онъ описываетъ ихъ, какъ красивое дополненіе къ своимъ

картинамъ природы. Ихъ блескъ—блескъ мертвый. Вспомнимъ Фета, который протянулъ мистическія нити между душою человѣка и душою звѣзды:

„Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь.
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась“.

(Изд. Маркса, т. I, стр. 264).

Солнце у Пушкина блещетъ своей сверкающей красотой вдали отъ человѣка. Въ его образѣ нѣтъ стихійной жизни. Оно катится по неизмѣнному пути въ неизмѣнномъ обликѣ. У Фета солнце дышетъ непосредственной жизненной силой. Онъ изображаетъ солнце въ видѣ большого огненнаго глаза, которымъ небо взираетъ на землю:

„Надъ безбрежной жатвой хлѣба
Межъ заката и востока
Лишь на мигъ смежаетъ небо

Огнедышащее око“ (Изд. Маркса, т. I, стр. 268).

Пушкинъ описываетъ облака не часто, не многоцвѣтно,— всегда идущими бѣлой или сѣрой грядюю. Но они не говорятъ съ нимъ живымъ языкомъ. Мертвыя и молчаливыя, они плывутъ въ синей дали небесъ. Для Тютчева облака полны жизни и говора. Онъ готовъ цѣлый день слѣдить за ихъ оживленнымъ и шумнымъ бѣгомъ. Онъ любитъ:

„На небѣ чистомъ и высокомъ

Порою облака слѣдить“... (Изд. Маркса, стр. 41).

Пушкинъ описываетъ вѣтеръ въ многообразныхъ сочетаніяхъ. Онъ воспроизводитъ въ музыкальной гаммѣ оттѣнки его звуковъ. Описываетъ его шумный бѣгъ и его шаловливыя игры. Но Пушкинъ не улавливаетъ въ воѣ вѣтра пѣсни о міровомъ хаосѣ, какъ это слышитъ Тютчевъ.

Воды у Пушкина не являются элементами сложной внутренней жизни природы. Ни рѣки, ни озера, ни море не вліяютъ на человѣка своею стихійною мощью, передъ которою

слабѣть власть человѣческаго настроенія. Фетъ прекрасно выразилъ это взаимоотношеніе моря и человѣка:

„И съ моря ночного,
Какъ будто изъ дальняго края родного,
Цѣлебною силою вѣяло въ душу.
Всю злобу земную, гнетущую, вскорѣ,
По-своему каждый, мы оба забыли“... (Море и звѣзды).

У Пушкина море—лишь акварельные наброски художника, ласкающіе взглядъ мягкими тонами красокъ.

Лѣсъ у Пушкина лишень жизни. Деревья у него или „шумятъ“, или „ропщутъ“, или „шепчутъ“. Весь рядъ этихъ глаголовъ выражаетъ лишь шумъ лѣса, какъ онъ слышится человѣку. У Тютчева шумъ деревьевъ носить иной характеръ. Это не просто шумъ, который можетъ производить и неодушевленный предметъ. Нѣтъ, деревья у Тютчева, какъ живыя существа, иногда „поютъ“ (изд. Маркса, стр. 150), иногда „бредятъ“ въ полдневномъ зноѣ (изд. Маркса, стр. 186).

Горы у Пушкина плѣняютъ взоръ или причудливыми очертаніями, или переливами красокъ. Но поэту чужда самобытная дикая жизнь горнаго царства. Онъ не тоскуетъ, какъ Лермонтовъ, о томъ, что человѣкъ своимъ существованіемъ нарушитъ божественное бытіе горъ, взобравшись на недоступныя высоты;

„Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добивая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь“. (Споръ).

Пушкинъ, разрѣшая проблему о взаимномъ соотношеніи природы и человѣка,—на первомъ мѣстѣ всегда ставитъ человѣка. Природа создаетъ лишь обстановку, лишь красочный

фонъ, на которомъ человекъ чертитъ узоры своихъ причудливыхъ настроеній.

Въ извѣстномъ стихотвореніи „Зимній вечеръ“ симфонія звуковъ, разыгранная снѣжной вьюгой, повторяется нѣсколько разъ музыкальнымъ припѣвомъ, отдѣняющимъ образъ старушки—няни.

Зимняя буря является лишь роскошной рамкой, окружающей живое лицо человека.

Въ „Испанскомъ романсѣ“ припѣвъ:

„Ночной зефиръ
Струить ээиръ.
Шумить бѣжить
Гвадалквивиръ“----

рисуетъ тихую ночь и шумъ рѣки. И въ рамкѣ этого трижды повтореннаго припѣва появляется страстный обликъ испанской красавицы, которая сквозь чугунный узоръ балкона выставляетъ свою маленькую ножку.

Или передъ поэтомъ засохшій цвѣтокъ. Онъ нашель его въ старой книгѣ:

„Цвѣтокъ засохшій, безуханный,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя“.

Куда же поэта поведеть его „странная мечта“: въ царство ли природы, или же въ царство человека?

„Гдѣ цвѣль? Когда? Какой весною?
И долго ль цвѣль?“

Передъ нами пробѣгаетъ рядъ отрывочныхъ бѣглыхъ вопросовъ о самомъ цвѣткѣ.—Мечта влечетъ поэта въ царство человека:

„и сорванъ кѣмъ?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?
На память нѣжнаго ль свиданья?“

Или разлуки роковой?
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?
„И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?“ (Цвѣтокъ).

Блѣдныя очертанія забытаго въ книгѣ цвѣтка оживаютъ передъ глазами поэта, окрашиваются красками, принимаютъ жизненную теплоту, постепенно обращаясь въ черты человѣческой жизни.

Или поэтъ на берегу моря. Передъ нимъ—зеленая убѣгающая даль. Но только на мигъ зачарованъ поэтъ стихійною красотою моря:

„Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой“.

Мысль поэта дѣлаетъ обычный поворотъ къ человѣку. Ассоціація по сходству помогаетъ ему быстро перейти отъ образа морской стихіи, полной мощи, къ гордому лику Наполеона, затѣмъ Байрона. Оба они были похожи на море своей внутренней энергіей:

„Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ;
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ“ . (Къ морю).

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ рисуетъ теплую ночь на далекомъ югѣ:

„Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами“...

И сейчас же на этомъ голубовато-серебряномъ фонѣ выдѣляется блѣдный обликъ одинокой женщины:

„Тамъ, подъ завѣтными скалами
Теперь она сидитъ, печальна и одна“... (Ненастн.
день потухъ).

Или еще характернѣе описаніе зимы въ одной главѣ „Евгенія Онѣгина“.

Пушкинъ произноситъ лишь одно слово:
„Зима“.

И дальше говоритъ намъ о крестьянинѣ, ѣдущемъ на дровняхъ; о кибиткѣ, взрывающей пушистыя борозды; о красномъ кушакѣ ямщика; о мальчикѣ, играющемъ съ Жучкой. Онъ отморозилъ уже палець. И мать ему грозитъ въ окно. Вся эта веселая вереница людей вставлена въ бѣлую рамку зимняго пейзажа (гл. V, II).

Человѣкъ занимаетъ всѣ думы поэта. Все человѣческое близко и дорого ему. Природа не существуетъ, какъ самостоятельное бытіе, если она не связана съ бытіемъ человѣка:

„Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ, безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури“.

 (Буря).

Пушкинъ вездѣ раскрываетъ передъ нами душу человѣка; всѣ ея тайны; ея буйныя радости; ея смятенія и тревоги; ея печали; ея сокровенныя раны.—Но нигдѣ онъ не раскрываетъ души предметовъ, души природы.

Миеологическими образами онъ пользуется лишь какъ красивыми поэтическими символами. Его изображенія природы реальны, точны, коротки.

Природа Пушкина не та, о которой сказала Тютчевъ:

„Природа
не слѣпокъ, не бездушный ликъ.
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ“.

(Изд. Маркса, стр. 94).

И только иногда какія-то странныя настроенія диссонансомъ врывались въ душу поэта.

Природа намекала ему въ темныхъ словахъ о чемъ-то своемъ, стихійномъ, властномъ, не зависящемъ отъ человѣка.

Эти слова слышались въ шопотѣ ночи, въ бѣглой игрѣ ея тѣней, въ призрачной пляскѣ ея видѣній. Эти слова слышались въ таинственныхъ примѣтахъ: въ чарахъ луны, въ золотыхъ слѣдахъ падучихъ звѣздъ, въ бѣгѣ черезъ дорогу пугливаго зайца, въ предчувствіяхъ встревоженной чѣмъ-то души.

Эти слова звали поэта въ темный хаосъ стихійныхъ силъ; подъ зеленые своды, гдѣ явственно звучитъ божественный голосъ природы:

„Когда бѣ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!
Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ,
И я бѣ заслушивался волнь,
И я глядѣлъ бы, счастья полнь,
Въ пустыя небеса.
И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса“.

(Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума).

Ночь говорила съ поэтомъ о природѣ. Но она длилась недолго. Полная непостижимыхъ звуковъ, ночь исчезала на Западѣ. На востокѣ въ холодныхъ слезахъ вставало солнце. Умирали голоса природы. Какъ легкой дымъ, таяли ея призрачные лики. Снова поэтъ охватывалъ реальный міръ своимъ шумнымъ потокомъ. Снова пылливо онъ наклонялся къ блѣднымъ чертамъ человѣческаго лица, пытаясь прочесть на немъ тайну жизни и смерти. Природа, онъ думалъ, не дастъ отвѣта

на этотъ вопросъ. Она далека и чужда человѣческимъ волненьямъ. Ей нѣтъ дѣла до мукъ человѣка. Она вѣчна. Человѣкъ мимолетенъ. Всюду Пушкинъ подчеркиваетъ вѣчность природы: Казбекъ сіяетъ „вѣчными лучами“ (Монастырь на Казбекѣ), Бештау— „пустыни сторожъ вѣчный“ (Странствіе Евг. Он.), небо— „вѣчно-голубое“ (Для береговъ отчизны дальней) солнце— „небесъ вѣчный житель“ (Кольна), Аврора— „вѣчная“ (Егип. ночи)—въ противоположность человѣку. Рождается человекъ въ міръ. Проходитъ своей темной стезей. Много печали принимаетъ онъ, много радости. И исчезаетъ безслѣдно въ темномъ безбрежномъ океанѣ. Вѣковѣчна только природа. И съ высоты своей вѣчности равнодушными глазами смотритъ природа на пробѣгающія человѣческія поколѣнія. Они подобны падающимъ звѣздамъ. Скользнутъ золотою нитью. И потухнуть во мглѣ ночи:

„у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять“. (Стансы).

Н. Колобова.

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

подъ редакцией проф. С. А. Венерова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Фототипія и Типогр. А. Ф. Дресслера, Б. Подъяческая, 22.
1914.